

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

ДОРОГА
К УБИЙСТВУ

Мереди́т Митчелл и Ала́н Маркби

Энн Грэнджер

Дорога к убийству

«Центрполиграф»

2004

Грэнджер Э.

Дорога к убийству / Э. Грэнджер — «Центрполиграф»,
2004 — (Мерedit Митчелл и Алан Маркби)

Элисон Дженнер – хозяйку большого богатого поместья – шантажируют. Некто неизвестный шлет ей угрожающие письма, намекая на то, что она убийца. Боясь, что об этом узнают и пострадает доброе имя жены, Джереми Дженнер приглашает в гости знакомую пару, Мерedit Митчелл и суперинтендента Алана Маркби, и просит их неофициально заняться расследованием. Маркби не готов включиться в это дело – оно кажется ему надуманным. Но когда в озере находят труп дочери Дженнера Фионы, он уже не может остаться в стороне.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Энн Грэнджер

Дорога к убийству

Всем читателям, которые много лет наблюдают за Митчелл и Маркби

Глава 1

На коврик у парадной двери лежат три конверта. Почтальон сунул их в щель с небрежностью человека, не имеющего никакого понятия о последствиях своих действий, и удалился, хрустя ботинками по гравии. Старый черный лабрадор Бет ткнул прибывшую корреспонденцию носом, принялся, вопросительно и тревожно посмотрел на медленно подходившую по коридору хозяйку, поскуливая и нерешительно виляя хвостом.

Знает, подумала Элисон. Чует что-то нехорошее, понимает, что это связано с почтой, хоть и не соображает, в чем дело. Человека можно провести, собаку никогда.

Она положила руку на голову старого пса:

– Все в порядке, Бет.

Тот энергичнее замахал хвостом, хотя поверил только наполовину, и ткнулся лбом в колено Элисон, наклонившуюся к конвертам. Один длинный, коричневый, официальный. Все вопросы, изложенные в таких конвертах, решает Джереми. Второй смахивает на послание от кредитной компании. Все проблемы подобного рода обычные, повседневные. Третий меньше – белый, квадратный, с напечатанной фамилией адресата: миссис Элисон Дженнер. Сердце екнуло. Мгновенно накатила дурнота, колени подогнулись, Элисон опустилась рядом с псом на пол, скрестив ноги, как бы готовясь принять позу для медитации. Минуту просто так и сидела, не сводя глаз с конверта, потом Бет ткнулся носом ей в ухо и робко лизнул.

Элисон вышла из забытья в нахлынувшее смятение. Конверт по-прежнему лежит на месте. Еще одно письмо! Умоляю, не надо!.. Но вот оно, очередное...

– Как ты смеешь так со мной поступать? – в ярости выкрикнула она в пустом тихом холле. Бет склонил голову набок, озабоченно сморщив мохнатый лоб. – У тебя нет никакого права! – Слова гулко разнеслись вокруг.

Элисон вдруг сполна осознала безнадежность и никчемность гнева. Рот наполнила кислота, горло жгла едкая желчь. Она с трудом проглотила комок, собрала конверты, поднялась, пошла в столовую в сопровождении лабрадора. Кричать в пустоту не только бесполезно, но и опасно – миссис Уиттл может услышать.

В столовой прохладно и почти темно. Солнце попадает в эту часть дома лишь во второй половине дня. Длинный узкий обеденный стол из полированного дуба убран после завтрака. В последнее время завтрак для них с мужем ограничивается кофе с тостами. Стол – один из драгоценных раритетов Джереми – куплен давным-давно, еще до их знакомства. Темная столешница со старыми царапинами и выбоинами наверняка видела не один кризис. Страшно подумать, сколько невзгод претерпевают неодушевленные предметы, когда люди буквально ломаются и разваливаются на части! Элисон бросила на стол два длинных конверта и повертела в пальцах квадратный. По крайней мере, Джереми нет дома. Взял машину и поехал в Бамфорд по какому-то делу. Он ничего не знает о письмах и знать не должен. Не то пожелает принять меры, но, что бы он ни сделал, будет только хуже. Она разорвала конверт, вытащила сложенный листок с печатным текстом. Полные ненависти слова знакомы до ужаса. Изредка варьируется лишь пара фраз. Слов немного, но они вселяют невыносимый страх, причиняют нестерпимую боль.

«Ты ее убила. Ты убила Фреду Кемп. Думаешь, будто вышла сухой из воды, а я знаю. Скоро все узнают. Увидишь, что с тобой станется. Кровь будет справедливо отомщена».

– Зачем ты со мной так? – прошептала Элисон. – Ненавидишь меня? Если да, почему? Кто ты? Я тебя знаю? Не из тех ли, кого я считаю друзьями, с кем часто встречаюсь, сижу за столом, смеюсь и шучу? Или кто-то незнакомый?..

Было бы лучше, гораздо лучше, если бы злые письма писали чужие. Предательство друзей, жестокость человека, которому доверяешь, настолько хуже, что теперь понятно, чем так страшно предательство Иуды. Он был другом, сидевшим за одним столом. Такое злодейство особенно больно. Неужели автор писем тоже улыбочивый, давно знакомый близкий человек?

Другой вопрос вертится в голове.

– Откуда тебе все известно? – спросила Элисон анонимного автора. – Здесь никто не знает. Это было двадцать пять лет назад, за много миль отсюда. Кто-нибудь рассказал? Кто и как узнал в свою очередь? Или ты прочел репортаж в пожелтевшей газете, застилавшей дно ящика комода? Мне было двадцать три года! Я ни в чем не виновна. А теперь ты хочешь, чтобы расплатилась за то, чего *не совершала*?

Надо уничтожить письмо следом за предыдущими. Но придет другое, и, может быть, Джереми первым успеет к почте. Конечно, он не вскроет конверт, адресованный лично жене. Хотя, может быть, спросит, от кого письмо, и придется соврать. А врать не хочется. Пока во избежание неизбежного приходится придумывать изощренные способы забирать корреспонденцию раньше его. Поскольку доставка в последнее время все сильнее запаздывает, придется почти все утро прислушиваться к хрусту шин почтового фургона, беспечному свисту водителя, шороху конвертов в дверной щели. Иногда в погожее утро она отправляется перехватить почтальона под предлогом прогулки с собакой. Таскает туда-сюда упирающегося пса по садовой аллее, пока не появится красный фургончик. Но нельзя ежедневно проделывать это, не возбудив подозрений у почтальона. Известно, что молодой парень уже считает ее странно-ватой. Видно по озадаченной физиономии. Возможно, рассказывает сослуживцам про чокнутую из поместья Овервейл. Если догадается, что она до ужаса боится почты, начнет разносить об эксцентричной женщине совсем другие байки. Он ведь достаточно молод, чтобы проявить любопытство. В результате может обнаружиться существование писем. Долго это будет продолжаться? Не устанет ли автор со временем от игры в кошки-мышки? И что тогда сделает? Перестанет писать или исполнит угрозу и разгласит информацию?

Тошнота вернулась. Элисон уронила письмо на стол, где оно сверкнуло девственной белизной на фоне потемневшего дуба. Метнулась вниз в туалет, где ее долго и тяжело, до боли в диафрагме, рвало в раковину. Она вся горела в жару и обливалась потом. Плеснула в лицо холодной водой, насухо вытерлась, взглянула в зеркало, придя к выводу, что, несмотря на красные пятна, выглядит вполне нормально, во всяком случае, с точки зрения Джереми.

Джереми!.. Письмо осталось на столе, а он скоро вернется. Элисон побежала обратно в столовую.

Опоздала. Нагнувшись над раковиной, она не слышала, как он пришел. Муж стоял у стола с маленьким белым листком. Взмахнул им, когда она влетела в комнату.

– Давно это началось, черт возьми?

* * *

Сегодня четверг. Точнее, Страстной четверг. После ланча Мередит Митчелл покинет свой кабинет в министерстве иностранных дел и отправится на пасхальные каникулы до вторника. Поэтому так легко на душе. Погода всю неделю стояла хорошая и, если повезет, останется таковой на недолгие праздники. Будет время отдохнуть вместе с Аланом, обсудить покупку дома и того, что потребуется для приведения его в порядок. Работа не будет давить на мозги, а

им обоим необходим перерыв. Полли, расположившаяся в другом конце кабинета, уже собирает вещички. Мередит протянула руку к лотку с входящими документами, где в луче солнечного света из высокого окна лежит одинокая тонкая папка. Убрать с глаз долой, и можно уходить, ты свободна.

Внезапно луч погас. Перед столом кто-то вырос. Она подняла голову и воскликнула:

– Тоби!.. Откуда, скажите на милость?

– Из Пекина, – сообщил Тоби Смайт. – Только что завершил служебное кругосветное путешествие. Теперь дома, в отпуске, жду, пока мне подыщут новое место. По крайней мере, – озабоченно добавил он, – надеюсь, что подыщут. Я прямо объявил нынче утром, что не хочу наподобие вас застрять в лондонской конторе до конца света.

Не слишком деликатно, но правда. Мередит уже давно застряла в офисе. Фактически с самого возвращения несколько лет назад из Федеративной Республики Югославии, где она служила консулом. Теперь просто конторская служащая министерства. Югославия, как известно, распалась, и приблизительно в то же время карьера, похоже, заглохла. Красноречивая параллель. Несмотря на повторные запросы, ей не предлагается никаких долгосрочных зарубежных постов, кроме кратких командировок на две-три недели, чтобы заткнуть дыры, заменить заболевших или пополнить ряды в экстренном случае. Сначала она возражала, громко протестовала, понимая, что есть какая-то причина для подобного с ней обращения, о которой она никогда не узнает. Где-то перешла кому-то дорогу или приобрела ненадежную репутацию благодаря независимости, встревожившей большое начальство. Однако теперь положение дел изменилось. Она уже не чувствует необходимости «бежать из страны», по выражению Алана Маркби, который именно так трактует ее стремление работать за границей. Не хочет, чтобы она уезжала. Мередит про себя улыбнулась и обратилась к Тоби:

– А я не против службы в Лондоне. Летом замуж выйду.

Он театрально отпрянул, воздев обе руки ладонями вперед.

– Неужели за того самого копа, которого вы столько лет за нос водили?

– Его зовут Алан, – сердито напомнила Мередит. – О чем вам отлично известно. И за нос я его не водила.

Полли тихо хихикала в другом конце кабинета. Краткий всплеск раздражения улегся. Нечего ершиться из-за слов и поступков коллеги. Тоби есть Тоби, а сегодня, слава богу, начало пасхальных каникул.

– Значит, у меня не осталось никакой надежды? – мелодраматично вздохнул он.

Полли фыркнула.

– Никогда и не было, – указала Мередит. – Но я рада вас видеть.

– Я не мог прийти в контору и не повидаться с вами. – Тоби оперся руками о стол и наклонился к ней. – Подумал, если не слишком торопитесь очутиться в объятиях мистера Плода¹, то, может быть, позвольте пригласить вас на ланч.

– Не позволю, если будете обзывать его мистером Плодом.

– Извините. Пойдемте закусим. Обещаю не употреблять неуважительных прозвищ. Обменяемся новостями, вспомним старые времена и... – Тоби слегка замаялся. – Честно сказать, я скорей рад, что вы с Маркби до сих пор вместе, поскольку у меня возникла небольшая проблема. То есть не у меня, а у одного моего друга. Может, он что-нибудь посоветует.

Мередит затрясла головой:

– Если у вашего друга проблема с законом, пусть лучше обратится к юристу. Алан не психотерапевт. Если это действительно дело полиции, процедура простая. Ваш друг должен пойти в ближайший участок и с кем-нибудь поговорить. В любом случае Алан не вмешивается ни в какие вопросы за пределами своей территории. Когда ведется серьезное уголовное рассле-

¹ Констебль Плод – персонаж популярного мультсериала. (Здесь и далее примеч. пер.)

дование за этими пределами, обязательно оговаривает каждый шаг с чужими следственными бригадами. Он не станет нарушать правила ради небольшой проблемы вашего приятеля. Ясно?

– Ах, – лукаво прищурился Тоби. – Дело в том, что упомянутая проблема возникла как раз в ваших лесах, под самым носом у суперинтендента Маркби. Поэтому он идеальная кандидатура.

Мерedit вздохнула. Алан не особенно расположен к Тоби. Инстинктивно чувствуется, что просьба о помощи не будет услышана. Но Тоби стоит перед нею и смотрит с надеждой. Вдобавок это старый друг. Надо держаться старых друзей. Она внимательно его осмотрела. Никогда не отличался аккуратностью. Костюм такой мятый, будто именно в нем он прилетел домой в самолете. Впрочем, Тоби не разезжает в деловых костюмах. Верхняя пуговица рубашки отсутствует, узел галстука расположен в двух дюймах под ней. Мерedit вдруг осознала, что по-настоящему рада видеть его.

– Разумеется, я с вами пообедаю, – сказала она.

Должно быть, еще мысленно пребывая в Пекине, Тоби повел ее в ресторан в Чайнатауне. Там стоял дым коромыслом, было полно народу, официанты бегали туда-сюда. Суэта и гул голосов означали, что можно побеседовать конфиденциально.

– Серьезно, – сказал Тоби, сделав заказ. – Поздравляю с будущей свадьбой, и прочее. Но что вас заставило сменить позицию? Знаю, коп страстно хотел жениться, а насчет вас у меня складывалось иное впечатление.

– Я позиции не меняла. Просто довольно медленно принимала решение.

Очень медленно. Прежде мысль о браке и оседлой жизни вводила ее в штопор. Но, как ни странно, когда все решилось, опасения испарились.

– Говорите, событие века состоится летом? – уточнил Тоби. – Конечно, хотелось бы сплестись на свадьбе, но, если повезет, к тому времени мне найдут место. Простите, нехорошо прозвучало. Хотя вы понимаете, что я имею в виду. Если буду где-нибудь в Европе, непременно заеду, если пригласите.

– Уже пригласила. Назначено на лето – к тому времени дом уже будет готов. Мы купили дом викария в Бамфорде. Церковные власти давно хотели продать, и Алан там мечтал поселиться, особенно из-за сада. Только все в катастрофическом состоянии. Нужна новая кухня, ванная, проводка, отделка сверху донизу. Естественно, с началом работ постоянно что-то возникает, не одно, так другое. По обыкновению.

– А викария куда дели?

– В кирпичную коробку в новом микрорайоне. По мнению церкви, там он будет ближе к своим прихожанам. Есть такая надежда. Джеймс, по его утверждению, не возражает. Его невообразимо старая экономка ушла на покой. Никто не знает, сколько ей лет. Возраст миссис Хармен – нечто вроде государственной тайны. Однако она сложила оружие, а Джеймсу будет легче справляться самостоятельно в новом доме с современной кухней и садиком размером с почтовую марку. В итоге все довольны и счастливы. Только я отказываюсь разбивать лагерь среди бесчисленных рабочих, топающих по лестницам. По-прежнему живу в своем коттедже в Бамфорде, а Алан у себя. Оба наших дома выставлены на продажу. Если один купят, в другом съедемся. Если продадутся оба, поселимся среди банок с краской.

– А у меня все та же квартира в Кэмдене, – сообщил Тоби, когда запыхавшийся официант поставил перед ними еду и заторопился дальше. – Стоит нынче бешеные деньги. Даже трудно поверить.

Мерedit ухватила палочками креветку, окунула в кисло-сладкий соус.

Тоби впился зубами в хрустящий кусок утки.

– У каждого свои проблемы, что снова напоминает мне о том самом приятеле.

– Послушайте, – твердо сказала Мередит, – если вас что-то действительно беспокоит, перестаньте кивать на приятеля. Бросьте глупое ребячество, я соглашусь выслушать только чистую правду. Это первое. Второе: не обещаю обратиться к Алану. Могу высказать только личное мнение, чего бы оно ни стоило.

– Справедливо, – согласился Тоби. – Честно, не моя проблема. Речь идет... э-э-э... о родственнике. Джереми Дженнер – кузен моего отца. В детстве я называл его дядей. Он от души потруился в межнациональных корпорациях, вышел в отставку, поселился в поместье под Бамфордом, проматывая несправедливо нажитые деньги.

– В самом деле несправедливо?

Тоби замотал головой:

– Нет-нет, абсолютно законно, если вы не принадлежите к банде антиглобалистов. Если принадлежите, то назовете его врагом общества. Но он чист как стеклышко. Женился на очень славной женщине по имени Элисон. Она несколько моложе. Ей за сорок, ему за шестьдесят, хотя Джереми на свои годы не выглядит.

– Понятно. И в чем же проблема? С виду все неплохо.

– Проблема, собственно, не у него, а у Элисон.

Мередит застонала.

– Отклонение еще на градус!

– Я с ним созвонился, – продолжал Тоби, – как только вернулся в Англию. Хотел наладить связь и, по правде сказать, напроситься в Овервейл на уик-энд в пасхальные выходные. Получил приглашение, но был вынужден двадцать минут выслушивать изложение проблемы Элисон.

– Мне так же долго будете излагать? – уточнила Мередит.

– Буду краток, потерпите. Старик явно подавлен и здорово злится. Оказывается, бедняжка Элисон получает анонимки с угрозами, о чем ему только что стало известно.

– Надо нести их в местную полицию, – с готовностью подсказала Мередит.

– У них всего одно, остальные Элисон сожгла. Джереми в то же самое утро отправился в участок, и реакция его не обрадовала. Поэтому он был буквально бешеный во время нашей беседы. Назвал местных копов нецивилизованными и некомпетентными недомерками.

– Недомерками? – переспросила Мередит, сомневаясь, не ослышалась ли в окружающем гаме. – Что это значит?

– Значит, ростом не вышли. По мнению Джереми, занижены стандарты роста для копов. По его словам, бамфордские настоящие лилипуты. Не производят впечатление.

– Близко даже не подпущу Алана к вашему кузену, – объявила Мередит. – Если услышит нечто подобное, крышу снесет.

– Признаюсь, – кивнул Тоби, – старик Джереми довольно категоричен. По-моему, приобрел это качество на посту капитана индустрии. Отдавал приказы, миньоны кидались выполнять сломя голову. Видно, выступил перед копами с речью, его вежливо завернули.

– Близко даже не подпущу к нему Алана! – твердо повторила Мередит.

– Постойте, с ним он будет вести себя по-другому, ибо Маркби правильный.

– Правильный? – Креветка выпала из палочек в соус. – Что это значит, господа помилуй?

– Чин высокий – суперинтендент. Джереми привык иметь дело с высокопоставленными персонами. Маркби окончил привилегированную школу, обходителен с дамами, туфли начищены. Даже рост, насколько я помню, хороший. Вполне соответствует представлению Джереми о росте копа. Будет принят по высшему разряду.

– Сомневаюсь. Похоже, ваш кузен истинный сноб.

– Да нет, просто слишком долго сидел в совете директоров. Отчасти консервативный зануда, и все. От Элисон, благослови ее Бог, снобизмом вообще не пахнет. Она очень милая. Вам понравится.

– Допустим, а кузен Джереми вряд ли. Кстати, возможно, я отвечаю его представлениям о росте полицейского!

– Не настраивайтесь против него, – взмолился Тоби. – Это достойный порядочный человек, хоть сейчас в ужасающем состоянии из-за тех самых писем. Ему нужна помощь. Поверьте, он из тех, кто просит помощи лишь в отчаянном положении. Обожает Элисон. Готов убить автора писем, кем ты тот ни был. У него сердце слабое. Не на пользу подобные встряски.

Мерedit взглянула в озабоченно сморщенное лицо. Тоби почесал макушку и тоже посмотрел на нее. Что ж, подумала она, зачем тогда нужны друзья? Кажется, Тоби искренне переживает за своего несимпатичного кузена. Надо хотя бы попытаться помочь.

– В полиции не обмолвились, – спросила она, – что в округе еще кто-нибудь получает подобные письма? Насколько мне известно, их часто пишут люди, обиженные на общину в целом. Сидят, сочиняют пасквилы, рассылают всем и каждому. Нередко на автора никто даже и не подумал бы.

Тоби покачал головой:

– Нет. Письма предназначены только для Элисон. По крайней мере, никто больше в полицию не обращался. Это не обычные грязные письма. Никаких бранных слов, обвинений в извращенном сексе, ничего из традиционного репертуара помешанных кляузников. Речь идет об одном событии из прошлого Элисон, причем абсолютно реальном. Поэтому она так встревожена. И Джереми тоже. Страшно подумать, что некий маньяк раздобыл глубоко личные, до сих пор конфиденциальные сведения!

– Это уже хуже, – мрачно согласилась Мерedit, гадая, расшифрует ли Тоби событие или надо прямо спросить. Проблема с семейными тайнами в том, что люди неохотно их открывают, даже когда вынуждены обращаться за помощью. Джереми, Элисон и Тоби должны усвоить, что придется открыться. Мерedit испробовала окольный ход. – Автор требует денег?

– Нет. Пока, во всяком случае. Просто вновь и вновь обвиняет, угрожая публичной оглаской.

– Где сейчас это письмо?

– У местной полиции. Попытаются снять потожировые следы или что-то еще. Элисон сходит с ума при мысли, что письмо читают. Не хотела, чтоб кто-нибудь знал. Джереми знает – она перед свадьбой ему рассказала. Я знаю – слышал от него по телефону. Больше никто, пока автор не выполнит свою угрозу. Кстати, неизвестно, мужчина это или женщина. Я лично думаю на женщину. По-моему, больше похоже на женские штучки.

– Хотите сказать, яд – женское орудие, будь он в пузырьке или на листке в конверте? Многие мужчины пишут подметные письма.

– Ладно. Ради удобства будем говорить об авторе в мужском роде. Слушайте, Элисон в панике. Говорит, если факты выйдут на свет, придется продать дом и уехать. В округе масса любопытных с нездоровым интересом к чужим делам. Сплетни распространяются по деревням, словно лесной пожар.

– Не быстрее, чем в больших городах, – выступила Мерedit в защиту деревенских нравов.

– Не скажите. Старожилы чтут внешнюю форму, безжалостно карая каждого, кто ее, на их взгляд, нарушает. В деревнях мало что происходит, поэтому общественное лицо – это самое главное. Когда соседи перестали вас приглашать, разражается настоящая катастрофа. В городе можно завести новых друзей и знакомых – выбор шире. В деревне ты привязан к землякам. Если об упомянутых в письмах фактах станет известно, они убьют холодом Элисон и старика Джереми. В большом городе столько всего творится, что до соседей никому нет дела, и времени тоже.

– Конан Дойль, – возразила Мередит, не желая принимать аргумент, – с другой стороны смотрит. По крайней мере, Холмс в одном рассказе говорит Ватсону, что никто не знает о происходящем в деревне, ибо жители изолированы друг от друга.

Тоби обдумал мысль.

– В любом случае деревенская тишина и покой на пользу не идут. У людей возникают всякие странности, не знаешь, чего они выкинут.

– Хотите сказать, будто кто-нибудь из соседей выведал тайну Элисон и письменно ее об этом уведомляет? Но как он мог узнать? Если выяснить как, вполне можно вычислить кто. – Мередит нахмурилась. – Зачем мучить Элисон угрозами? Если, как вы сказали, огласка приведет к изгнанию из общества, почему просто этого не сделать, чтобы ей навредить? Вместо этого он письма пишет. С какой целью?

– На этот вопрос нет ответа. Элисон даже мухи не обидит. У нее нет врагов.

– Есть, как минимум один, – поправила Мередит, – если анонимки не злая и гадкая шутка. Конверт сохранился? Если отправитель сам его заклеивал, могла остаться слюна для анализа ДНК.

– Видите? Вы во всем разбираетесь. Я хорошо знаю, к кому обращаться.

Тоби, видно, очень рад был переложить ношу на чужие плечи. Мередит обозвала себя жалкой овечкой. Зачем ей такое приключение на голову?

– Еще одно, – сказала она. – И это очень важно. Прежде чем я признаю проблему настолько серьезной, чтобы обратиться к Алану, мне надо точно знать, какое событие в прошлом Элисон привело к нынешним неприятностям. Я молчать умею, трепаться на каждом углу не стану. Но вы меня просите уговорить Алана взяться за дело, которым занимается местная полиция. Поднимется волна. У него своих хлопот полон рот. Я должна убедиться, что дело того стоит. Риск, что Джереми с Элисон потеряют друзей, – недостаточное основание, прошу прощения. Значит, друзья у них ненастоящие.

Тоби кивнул:

– Конечно, понимаю. Сразу предупредил Джереми, что вам надо сказать.

– Предупредили, что поговорите со мной?.. Слушайте, Тоби...

Тоби прервал возмущенную тираду, начав свой рассказ, отлично зная, как с кривой ухмылкой заметила себе Мередит, что любопытство слушательницы пересилит гнев.

– Двадцать пять лет назад Элисон судили. Признали невиновной. То есть она и была невиновна, с чем согласились присяжные.

– Тогда что за проблема? Зачем беспокоиться, что соседи узнают? По-моему, сельские жители гораздо терпимее, чем вы считаете. – Мередит помолчала. Тоби избегал ее взгляда. – В чем дело было? В чем ее обвиняли?

– В убийстве, – просто ответил он.

Глава 2

– Я с таким нетерпением ждал пасхальных каникул, – проворчал Алан Маркби, хмурясь на ожиревшего юнца, прошмыгнувшего мимо с опасно наклонившейся кружкой пива, – а теперь ты сообщаешь, что рядом остановился недотепа Смайт.

– Эй, – воскликнула Мередит, – я ему запретила давать тебе прозвища, поэтому лучше не называй его недотепой! Фактически он очень славный и добродушный. Надо только привыкнуть к его чувству юмора.

– Действительно надо? Ладно, постараюсь. На мой взгляд, это ходячая катастрофа. Он оказывает дурное влияние на все вокруг, и особенно, должен сказать, на тебя, когда ты попадаешь в его силовое поле. Настоящий Иона². Припомни, как он сдал тебе свою квартиру и вернулся без предупреждения, потому что его объявили персоной нон грата в какой-то стране. Тебе пришлось съехать и жить с Урсулой Греттон в фургоне с прицепом на месте археологических раскопок, по колено в грязи и среди мертвых тел, между прочим. Потом он сломал ногу, и ты...

Мередит всплеснула руками:

– Остановись, пожалуйста. Он не нарочно ногу сломал. И из страны его выслали не за личный проступок, а по общепринятой практике взаимных плевков. Мы высылаем ихнего, они нашего. Случайно подвернулся Тоби. Жаль, что он тебе не нравится, но это старый друг...

– Я не говорю, что не нравится, – перебил ее Маркби. – Согласен, симпатичный малый. Просто навлекает всякие беды. На службе тоже?

– Знаешь, он отличный работник. Сознательный, добросовестный, всеми силами старается помочь людям. Сейчас старается помочь кузену. Никогда не отвернется от того, кому нужен. По-моему, в этом смысле такой же, как ты.

– Ха! – воскликнул Маркби, онемев на мгновение от дьявольски коварного удара.

В четверг вечером они поехали за город в паб на берегу реки, сели за столик у окна, наблюдая за заходом солнца, бросавшего золотисто-красные блики на водную рябь.

– Похоже на блестящую мишуру, которую ты покупал для украшения самодельных рождественских открыток, – заметила Мередит. Она надеялась, что Алан не станет возражать против Тоби, хотя энтузиазма не ожидала и приготовилась. В любом случае отступить она не привыкла. – Ты не встречался с Джереми Дженнером?

– Насколько помнится, нет. Слышать слышал. Поместье Овервейл знаю. Знал тех, кто жил там много лет назад. Красивое место. На нынешнем рынке безусловно дорого стоит. Нам с тобой не по карману. Видно, Дженнер живет на широкую ногу. – Маркби поднял бокал, допил вино. – Кофе хочешь?

– Да, пожалуйста.

По крайней мере, кажется, он согласен поговорить.

– Сейчас закажу у бармена. Я быстро.

В отсутствие Алана Мередит откинулась на спинку стула, смахнула с лица густые темные волосы и огляделась. Паб очень старый. Не редкость для Котсуолда, усеянного подобными заведениями. Другие постройки сносят, перестраивают, используют для иных целей, а деревенские пабы вечны, хоть и меняются определенным образом. Сами деревни меняются. Богатые шишки живут в коттеджах, предназначавшихся некогда для сельских работников, просто пристраивают ваннные комнаты и рабочие кабинеты. Потомки первых жителей изгнаны в многоквартирные новостройки. Новым обитателям требуется оригинальный паб, но со всеми удобствами. Поэтому, чтобы не потерять привлекательность, почти все пабы превратились в

² Библейский пророк Иона считался человеком, приносящим несчастья.

квазирестораны. Конечно, есть разница. Одни ограничиваются минимальным меню, другие, вроде этого, фактически отвергли роль заведения, куда заходят лишь выпить и пообщаться. Хотя, если честно, многие харчевни и пивные строились при постоянных дворах на старых проезжих дорогах, предоставляя кров и еду усталым и разбитым путникам, переступавшим порог на нетвердых ногах. Теперь, можно сказать, вернулись к традиции.

Все это Мередит изложила вернувшемуся Алану.

Он улыбнулся:

– Считается, что здесь останавливались средневековые паломники, направлявшиеся на юго-запад в Гластонбери³.

– Неужели такой старый?

Молодой бармен подал кофе, а когда ушел, Маркби спросил как бы между прочим:

– Значит, миссис Элисон Дженнер получает неприятную корреспонденцию?

– Да. Может, ты сам согласишься? Знаю, письмо уже в местной полиции, но Тоби надеется на твою помощь в решении проблемы.

Сообщение встречено неблагоприятно. Алан постарался проглотить замечание, готовое сорваться с уст, всплеснул руками, хлопнул по столу ладонями и прошипел:

– Это не его проблема, правда? Это проблема вышеупомянутой леди. Можешь объяснить своему драгоценному Смайту, что я обыкновенный кадровый полицейский, а не какой-нибудь Филип Марлоу? Если миссис Дженнер хочет поговорить со мной о проблеме, готов выслушать. Только просьба должна исходить *от нее*. Ты удивляешься, что твой друг Смайт меня раздражает? Конечно, раздражает. Не сомневаюсь, что он обладает всеми прекрасными качествами, какие ты ему приписываешь. Но вспомни старую поговорку: благими намерениями вымощена дорога в ад.

– По-моему, это несправедливо, – упрямо заявила Мередит.

Маркби пристально посмотрел на нее. Когда она отстаивает свое мнение в споре (а она всегда отстаивает, поэтому словесные перепалки с ней служат прекрасным умственным упражнением), то вздергивает подбородок и выпячивает нижнюю губу. Смешно и прелестно. Хочется поцеловать. Однако нельзя целоваться посреди ресторана. Свободные беспечные души целуются, только он не из них.

– Н-ну, – осторожно начал Алан, зная, что придется уступить, но не желая слишком скоро сдаваться, – если миссис Дженнер ко мне обратится и я соглашусь посмотреть, то исключительно для того, чтобы в пасхальные праздники не встречать твой укоризненный взгляд и не выслушивать соответствующие комментарии. Не делай такой обиженный вид. Я достаточно хорошо тебя знаю – ты не отступаешь. Кстати, надеюсь, вам с Тоби не взбрет в голову дикая мысль о самостоятельном дилетантском расследовании!

– Тоби это совсем ни к чему, – пробормотала Мередит, избегая прямого ответа.

– Мне тоже. Это дело полиции. Я не отказываюсь обсудить его с Дженнерами, но надеюсь, Тоби с кузеном не рассчитывают, что удастся решить вопрос в десять минут. Одним махом, и прочее. Поиски авторов подметных писем бывают очень долгими. Мы тратим время на проверку каждой подозрительной личности в округе, а это оказывается милейшая старушка, которая живет с мопсом и каждое воскресенье ходит в церковь.

– Я что-то в этом роде и сказала Тоби. Они наверняка не ждут легких решений. – Мередит сделала глубокий вдох и бросилась с головой в омут. – Завтра мы приглашены на ланч в Овервейл. Я, конечно, не дала ответа, пока тебя не спрошу.

– Ох, большое спасибо.

– Обещала утром позвонить, сообщить.

³ По преданию, близ городка Гластонбери находятся могилы легендарного короля Артура и королевы Гвиневры, а также развалины аббатства, основанного евангельским Иосифом Аримафейским.

Алан сморщился, смахнул со лба непослушную прядку светлых волос и вздохнул:

– Значит, в прошлое заглянуть не успею. Не люблю работать вслепую. Конечно, ты мне пересказывала со слов Тоби, однако хотелось бы просмотреть то дело об убийстве, отметить, за что мог зацепиться незванный друг Элисон Дженнер по переписке. Ну ладно, скажи, что придем в любом случае. Хорошо понимаю, в каком они состоянии. – И добавил после паузы: – По-моему, похоже на первый этап спланированного шантажа.

– Тоби говорит, что денег не требуют. Элисон подтверждает. Она получила пять писем, четыре сожгла. Везде одна и та же угроза открыть ее тайну.

– Почему письма вечно сжигают? – раздраженно буркнул Маркби. – С опозданием являюсь в полицию, сообщают об анонимках, мы спрашиваем: сколько? Ежятся, не хотят говорить, наконец, признаются, что много, все порваны, выброшены, сожжены. Чаще всего сожжены. Что делать без вещественных доказательств?

Он забарабанил по столу пальцами, взгляд устремился вдаль.

– Если угроза скандальной огласки реальна и цель автора – подорвать положение Элисон в обществе, почему просто не разгласить ее тайну? Зачем писать письма? Шепни на ухо нужному человеку, и все. В одном твой Тоби прав. Слухи распространяются по деревням, как лесной пожар.

– По его словам, Элисон именно это пугает. Она полагает, что автор сначала заставит ее попотеть, потом осуществит угрозу. По-моему, это свидетельство истинной ненависти. Но Тоби утверждает, что Элисон дружелюбная безобидная женщина. – Мередит обратила внимание на отстраненный взгляд Алана, зная, что за ним последует взрыв. И точно.

– Безобидная женщина, которую обвиняли в убийстве?! Мы с тобой уже смотрим на дело по-разному. Ты говоришь о ненависти, а я думаю о вымогательстве. Когда у людей столько денег, как у Дженнеров, тут просматривается мотив. Автор денег пока не просит, однако непременно попросит. Доведет супругов до кондиции. Когда впадут в полную панику и крепко попадут к нему в лапы, предложит откупиться, и бедняги ухватятся за предложение. Только один раз не откупишься. С них потребуют еще, и еще, и так далее. Я все-таки придерживаюсь теории шантажа.

– Тогда не похоже на старушку с мопсом, которая для развлечения строчит соседям анонимки, – тихонько сказала Мередит. – От запугивания до вымогательства большой шаг.

– Правда. Но иногда начинаешь с одной целью, а потом совершенствуешь оригинальный план.

– Возможно, – серьезно заметила Мередит, – Дженнеры предпочли бы шантаж. Легче стерпеть, что кто-то хочет выманить у тебя деньги, чем то, что кто-то тебя ненавидит и с радостью мучает. – Она глубоко вдохнула. – Они даже не понимают, как автор писем на них вышел... на Элисон, во всяком случае.

– Возможно, не такая хитрая загадка. Судебный процесс описывался, широко освещался. Любой мог наткнуться на репортажи. В том числе автор писем.

– Но как он догадался, о ком идет речь? По словам Тоби, Элисон тогда носила фамилию Харрис. А последние десять лет она Дженнер. Что связывает Элисон Харрис с Элисон Дженнер? Даже если в каком-то журнале были репортажи со снимками и автор оттуда черпал информацию, за двадцать пять лет люди меняются. Элисон сейчас сорок восемь, а тогда было двадцать три.

Маркби выслушал возражения и кивнул:

– Вполне справедливо. Инспектор Винтер из бамфордской полиции человек добросовестный, наверняка сделает все возможное насчет писем. Но будет несказанно рад передать следствие представителям регионального управления, отчасти потому, что поиски шантажиста – если это шантаж – требуют слишком много сил и времени. А еще потому, что персонами вроде Дженнеров сильно интересуются таблоиды. Богатый муж, молодая жена с темным про-

шлым... Кстати, Дженнер был раньше женат? По прикидкам, ему перевалило за пятьдесят на момент свадьбы с Элисон.

Мерedit потерла нос.

– Не знаю. У Тоби спрошу.

– Пойдем дальше, – продолжил Маркби. – Сам Дженнер вполне мог нажить врагов за время своей долгой успешной карьеры. В бизнесе не достигнешь вершин без определенной жестокости. Возможно, кто-то пытается достать его через жену.

– Вообще-то он страшноватый, – признала Мерedit. – По словам Тоби, в принципе хороший, только привык командовать.

– И не любит таких ситуаций, когда просто не знаешь, что делать... Ясно, – кивнул Алан. – Хорошо. Пообедаем с ними, послушаем. Я утром позвоню Винтеру, изложу свои планы. Не могу действовать у него за спиной. Попрошу также быстро меня уведомить о результатах криминалистического исследования письма. Для меня вопрос в том, кому поручить дело об анонимках, если им займется региональное управление. Жалко, что Дэйв Пирс теперь на другом конце графства и вряд ли к нам вернется. Конечно, на его месте Джессика Кемпбелл...

– Я ее знаю? – нахмурилась Мерedit.

– Едва ли. Недавно прибыла вместо Пирса. Если посчастливится, станет неплохим членом команды. Вроде сообразительная. Наверняка уцепится за это дело. Только тут нужна осторожность. В подобных случаях вечно выскакивают неприятные сюрпризы.

– Могу поспорить, – с неожиданным озорством вставила Мерedit, – старику Джереми Дженнеру не понравится, что такую ответственность возложили на женщину.

Маркби в ответ улыбнулся тигриной улыбкой.

– Старику Джереми, как ты его называешь, придется примириться, что если я берусь за расследование, то я и команду!

– Стой спокойно! – приказала Джесс Кемпбелл. – Не вертись.

– Тогда скорей. Свет уходит.

Аппарат щелкнул, одновременно сработала вспышка.

– Готово.

– Наконец-то! – Молодой человек спрыгнул с подиума, наблюдая, как сестра прячет камеру в холщовую сумку, которую закидывает на плечо. – Пришлешь мне снимок?

– Конечно. Папе и маме тоже отправлю.

Садившееся солнце коснулось голов, волосы вспыхнули одинаковым рыжим пламенем. Они всегда были похожи. Все сразу понимают, в чем дело. «Что значит быть близнецом?» – спрашивают у них с младенческих лет.

Джесс часто отвечает: «Не знаю, что значит *не быть* близнецом, поэтому не могу дать ответа».

Хотя иногда грустно быть близнецом. Они зашагали по каменистой дорожке к машине Джессики.

– Замечательно, что ты вырвался на пару дней, – вздохнула она. – Но уже уезжаешь...

Слово повисло в тихом вечернем воздухе. В кустах справа что-то зашуршало, почти под ноги выпрыгнул маленький кролик, побежал, перескакивая через кочки, наконец белый хвостик исчез в овраге.

– До норманнского завоевания в Англии не было кроликов, – сообщил Саймон. – Знаешь?

– Это из разряда тех фактов, которые люди выкладывают в неловких паузах за скучным обедом, – хмыкнула Джесс. – Кролики приплыли на кораблях Вильгельма Завоевателя?

– Их завезли, чтобы разводить на мясо. Кроликов ели только богатые. За кражу кролика предусматривалось суровое наказание. – Саймон ухмыльнулся. – Голова битком набита бесполезной информацией.

– Никогда не знаешь, – возразила сестра. – Не угадаешь, когда что пригодится.

– Не пригодится, когда сидишь в душной палатке, гоняешь мух, изо всех сил успокаивая вопящих младенцев.

Вновь настало молчание.

– Не стану говорить, до чего мне не хочется, чтобы ты уезжал, – сказала наконец Джесс. – Знаю, какое ты делаешь важное и нелегкое дело. Я навидалась жутких кошмаров на службе в полиции. Ты, работая с беженцами, видишь картины в сотни раз хуже.

– Конечно, это угнетает, – согласился брат. – Надеюсь, никогда не перестанет. Только на месте некогда переживать. Поминутно что-то происходит, слишком много событий, каждый раз принимаешь решение или импровизируешь. Ничего другого для себя не желаю. Чувствую себя виноватым, выпросив две недели отпуска. Впрочем, получил возможность кое с кем здесь поговорить, объяснить, с чем мы имеем дело.

– Я тебя видела утром по телевизору. Хорошо поработал.

Саймон криво усмехнулся:

– Спасибо. Кажется, больше боюсь телекамер, чем шайки так называемых солдат с мачете, которые выскакивают из зарослей, требуя у нас наркотиков.

Джессика содрогнулась:

– И поэтому, среди многого прочего, я ужасно боюсь за тебя.

– Слушай, – сказал Саймон, – если я буду об этом думать, то не смогу работать. Полагаю, ты тоже. Особенно когда в субботу вечером сидишь в патрульной машине, глядя, как хулиганы бьют стекла и колотят друг друга.

– Больше не приходится. Когда только пришла в полицию, отработала свою долю.

– Знаю. Ловишь теперь настоящих, серьезных преступников. Мама с папой гордятся тобой беспредельно.

– Правда? Не надо гордиться, пусть просто признают. Знаю, папа желал бы мне «не столь опасной профессии», а мама решительно не понимает, зачем я в полиции. Папа против полицейской карьеры не возражает, хотя видит меня за компьютером в отдельном кабинете, – вздохнула Джессика. – Не поверишь, но иногда я из-за компьютера не вылезаю.

– Они тобой гордятся, – настаивал Саймон, – можешь мне поверить! – И добавил: – Временами я тоже.

– Временами?.. – Она бросила на него притворно-возмущенный взгляд.

– Чтоб нос не задирала! – Он дотянулся, взъерошил короткие темно-рыжие волосы сестры.

– Жирный шанс для полицейского, – горестно вздохнула Джессика.

– Ах! Слышу жалобную нотку, – нахмурился Саймон. – Не понравилось на новом месте?

– Мне моя работа нравится. Надеюсь, понравятся и коллеги, как только перестанут рассказывать о предшественнике. Знаешь, что получается, когда в трудовом коллективе женщина заменяет любимого всеми мужчину? На каждом шагу цитируют высказывания того самого Дэйва Пирса. Словно он самый популярный полицейский в истории, да к тому же еще местный. Такой просто *не мог* ошибаться!

– Эй! – воскликнул Саймон.

– Знаю, склочничаю, только это от нервов. Разумеется, виду не подаю.

– Я полагаю, все и так понимают. А босс? Суперинтендент... как его... Мальтби?

– Маркби. Я его редко вижу. Еще один супермен, чище Пирса. Его тоже без конца цитируют. Я встречалась с ним на минуточку по прибытии. Кажется, ничего, не совсем обычный полицейский.

– Не совсем? А какой? С переломанным носом регбиста, с пронизательным прищуром?

– Не знаю, играет ли он в регби. Нос не переломан. Сам довольно симпатичный, высокий, светловолосый, с примечательными голубыми глазами. Без прищура.

– Господи помилуй, – охнул Саймон. – Надеюсь, ты на него не запала? Это сильно осложнило бы дело.

– Безусловно, поскольку он скоро женится. Только я на него не запала. Просто при первой встрече он слегка меня поразил. Я ждала обыкновенной приветственной беседы вместе с лекцией о снижении уровня преступности и необходимости вовремя представлять рапорты. А было больше похоже на собеседование с директором неплохой школы. Кстати, как мне стало известно, он окончил хорошую школу. Но хотя вел себя очень мило, не хотелось бы с ним поссориться. Выразил надежду, что мне здесь понравится, удастся найти приличное жилье, и, похоже, одновременно очень точно меня оценил. По-моему, крутой, как кирзовый сапог, но только никому этого не показывает. – Джесс помолчала. – Он меня даже напугал.

– У тебя все будет хорошо, – заверил брат, взяв Джессику за руку. – У меня тоже.

Небо на миг затмила стая скворцов, направлявшаяся к ближайшим деревьям. Джесс посмотрела на Саймона, который запрокинул голову, провожая птиц взглядом.

– Я слишком часто бывал в таких местах, где птицы слетаются к мертвым телам на земле, – тихо пояснил он.

Она прикусила губу. Они молча дошли до машины и поехали, прыгая по ухабистой колее. У выезда на шоссе увидели паб на другой стороне, приветливый, с гирляндой из разноцветных лампочек на фасаде под шиферной крышей.

– Выпьем? – предложил Саймон. – Знаю, копы на службе не пьют, да ведь ты сейчас не на службе.

– Не на службе, но за рулем.

– Ну ладно, по рюмке? Или, если предпочитаешь, посиди с томатным соком, погляди на меня.

Джесс с усмешкой свернула на стоянку и, уже приготовившись вылезти, вдруг воскликнула:

– Ох, нет, только не здесь!

– Почему?

– Невозможно... верней, я зайти не могу. Видишь вон тот БМВ? Это машина Маркби.

– Точно? – Саймон взгляделся в лобовое стекло.

– Номера узнаю. Нас среди прочего учат запоминать номера. Если не возражаешь, не стану пить томатный сок на глазах у суперинтендента.

– Может, он там с невестой? Не любопытно взглянуть?

– Нет, – отрезала Джессика. – Я не любопытная. Ты, по-моему, тоже, старый проныра!

– Даже не знал, – вздохнул Саймон, глядя на сестру с жалостью, – что у копов такая нелегкая жизнь.

«Ты многого не знаешь о жизни копов», – подумала, но не сказала Джесс.

Глава 3

Первое впечатление от поместья Овервейл оказалось для Мередит неожиданным. Поднявшись на холм и спустившись в долину по лесистой местности, они внезапно очутились на вершине крутого подъема, откуда открывалась расстилавшаяся внизу равнина. Пейзаж тут и там был усеян пронзительными желтыми пятнами рапсовых полей. Сурепка растет по обочинам, кивая лимонными головками проезжающим автомобилям. В низком закрытом месте буйно цвели в саду вишни и сливы. Руководствуясь начерченной Тоби картой, Алан свернул в сторону на дорогу чуть шире с безобразным покрытием, оставив позади живописные виды и углубившись в лесную тень.

Попрыгав по ухабам и кочкам, машина снова вырвалась на открытый простор. Глазам предстала ошеломляющая картина. По ту сторону долины на возвышении стоял Овервейл-Хаус – белая прямоугольная георгианская постройка, сверкавшая среди зеленых полей и темных лесов. На лугу мирно паслись лошади, солнце бросало вокруг ослепительные блики. Мередит затаила дыхание. Алан съехал на обочину, они вышли, остановились на склоне, оглядывая прекрасный вид.

– Озеро, – указал Алан на пляшущие на воде вспышки. – Не очень большое, как видишь, искусственное. Устроено где-то в начале девятнадцатого века для лодочных прогулок и развлечения гостей.

– Ты-то, конечно, знаешь дом и поместье, а мне посмотреть не терпится. – Мередит пригладила растрепанные ветром волосы.

– Попросишь Дженнеров. Наверняка охотно покажут, – довольно сухо ответил Алан.

Мередит взглянула на него:

– Извини. Не следовало тебя впутывать.

– Не извиняйся, пожалуйста. – Усмехнувшись, Алан тряхнул головой. – На тебя не похоже. В любом случае извинений не требуется. Если выявится шантаж, дело все равно ляжет ко мне на стол. В определенном смысле я даже рад пораньше приступить.

Мередит сказала:

– Прелестный дом, и общая картина, и все остальное... Словно какой-нибудь сказочный заколдованный замок.

– Добрая или злая колдунья его заколдовала? – тихо молвил Алан. Мередит посмотрела на него с удивлением, он улыбнулся и поддразнил ее: – Не сильно похоже на дом викария в Бамфорде.

– Нет. Такого мы себе не можем позволить... тем более содержать. Да нам и не годится. Дикая глушь. Но, по словам Тоби, его кузен сколотил кучу денег. Будь я миллионершей, как Дженнер, купила бы. А ты?.. В любом случае, когда дом викария будет отделан, получится не так уж и плохо. Хоть с этим не сравнится.

Они вернулись к машине и поехали дальше, под горку, по равнине и опять по лесу. Дом скрылся из вида. После очередного подъема деревья поредели, показался коттедж из красноватого камня. Высокие ворота открылись предположительно специально перед гостями. Маркби провел машину между высокими каменными пилонами.

По всему судя, подъездная дорожка была проложена лет двести назад с расчетом произвести впечатление на визитеров, прибывающих в экипажах. Сначала стала видна только часть фасада, который прикрывали прямые ряды каштанов с обеих сторон, стоявших словно на страже. И лишь в последний момент глазам предстал изящный, не слишком большой особняк идеальных пропорций, с высокими узкими окнами, в которых отражалось весеннее солнце.

– Кажется, – сказала Мередит, кивая на портик с колоннами, – дверь сейчас распахнется, и оттуда выйдут сестры Беннет.

Полукруг перед домом засыпан гравием, из-под колес брызнули камешки. Дверь действительно распахнулась, и вышли двое – однако не сестры, а мужчины.

Тот, что помоложе, легко узнаваемый, бросился вперед с приветствиями.

– Как мило с вашей стороны! – затряс Тоби руку суперинтендента. – Мы страшно благодарны, вся семья!

– Алан приехал только послушать, – поспешно предупредила Мередит, уже видя на лице Маркби зачатки отчаяния.

– Нам и надо, чтобы кто-то послушал, – объявил Тоби.

– Инспектор Винтер в Бамфорде наверняка выслушал, – сухо заметил Маркби. – Рад снова вас видеть, – вежливо добавил он.

– А, Винтер... – Тоби высокомерно отверг инспектора. – Славный малый, только набит по горло инструкциями. Позвольте представить моего кузена Джереми.

Дженнер приблизился во время этой краткой беседы. Мередит с любопытством отметила, что он выглядит именно так, как она представляла. Высокий, со стройной фигурой – видимо, благодаря посещению дорогого частного оздоровительного клуба, – густые седые волосы аккуратно подстрижены, из-под кустистых бровей пристально смотрят глубоко посаженные глаза. Впрочем, низкий голос приветлив, манеры приятные.

– Могу лишь повторить слова Тоби. Мы вам чрезвычайно признательны. Неприятное дело. Хочется разобраться, как вы понимаете. Я согласен, инспектор Винтер человек надежный, однако не знаю, полностью ли он представляет себе возможные последствия.

Алан прав, подумала Мередит. Дженнер тоже боится, что это прелюдия к шантажу.

Их провели в просторный холл, где прибывших встретили старый черный лабрадор и миловидная женщина среднего роста. В пышных светлых волосах просвечивает первая седина, однако посеребренные пряди мягко сливаются с остальными. Возможно, в старости она мало изменится внешне. Женщина с готовностью улыбнулась, хоть и немного нервно.

– Моя жена Элисон, – объявил Дженнер, и какой-то отголосок в тоне, смягчившийся ястребиный взгляд, внезапно вспыхнувший теплом, сказал Мередит об их отношениях все, что требовалось. Она догадалась, что он глубоко любит жену. Возможно, она не просто партнерша, а средоточие всей его жизни. Если так, то муж полон решимости уберечь ее от любого вреда ради своей любви и не позволит неизвестному автору писем нарушить драгоценный домашний покой, который так много значит для самого Джереми.

На пороге собственного брака Мередит видит здесь что-то очень трогательное и одновременно пугающее. Агата Кристи в одном из своих романов описывает, как тяжело быть любимой. Умница Агата! Еще вспомнилось, что в том самом романе бремя любви приводит к убийству.

Прошли в гостиную, полную воздуха, где встретились с четвертой персоной.

Тоби ни о ком больше не упоминал. Мередит никого больше не ожидала. Но, увидев девушку, стоявшую у камина в стиле Адама⁴, предположила, что это и есть причина его стремления напроситься в Овервейл.

Элисон привлекательна, в молодости наверняка поражала воображение, но эта девушка прекрасна идеальной классической красотой. Предположительно лет двадцать. Безупречная кожа, прямой нос, округлый подбородок, полные, чуть выпяченные губы. Густые длинные пепельные волосы заплетены от висков в две тонкие косички, уложенные вокруг головы. Остальные зачесаны назад и струятся по спине водопадом. Таких женщин писали мастера итальянского Возрождения. Впечатление усугубляет надетая поверх джинсов свободная блуза из какого-то летящего материала, гофрированная на груди. Мередит, как ни странно, сочла соче-

⁴ Адам Роберт (1728–1792) – один из крупнейших британских архитекторов, автор прославленных интерьеров загородных особняков.

тание удачным, хоть и не совсем допустимым. Что-то двойственное есть в самой девушке. Она чувствует себя как дома в уютной гостиной и одновременно опасается незнакомых гостей. В ясном, твердом взгляде то ли презрение, то ли высокомерие.

– Здравствуйте, – сказала она низким гортанным голосом. – Я Фиона.

– Моя дочь, – с откровенной гордостью пояснил Дженнер.

Да, есть чем гордиться, подумала Мередит без того взрыва эмоций, который испытала при знакомстве с женой. Сразу видно, что это дочь Дженнера. Та же манера откровенно оценивать чужих людей, не стараясь замаскировать этот факт. Богатая, избалованная, самоуверенная красавица. Головная боль для самых опытных учителей.

Впрочем, вот и ответ на другой вопрос: Дженнер был женат раньше. Во время беседы в китайском ресторане Тоби упомянул, что Элисон и Джереми женаты всего десять лет. Чем закончилось дело с первой супругой – смертью или разводом?

Гостям предложили выпить в прелестной гостиной и проводили к ланчу в огромную эдвардианскую оранжерею. В доме наверняка есть парадная столовая, значит, догадалась Мередит, неформальная обстановка выбрана не случайно. Все чувствуют себя свободно, языки развязываются. Покончив с едой, вернулись в гостиную, куда был подан кофе в высшей степени респектабельной домоправительницей средних лет.

– Неужели кто-то до сих пор так живет? – шепнула Мередит Алану.

– О да... – пробормотал он, и она на него посмотрела. Обманчивая расслабленность. Видно, что оценивает окружающее и присутствующих с такой же зоркостью, как Дженнер их оглядывал по приезде.

– Хорошо, – резко бросил Джереми, допив кофе. Поставил чашку на полированный столик, отодвинул от себя подальше тонкий фарфор. – Приступим к делу.

Это речь председателя совета директоров, однако откровенная, честная. В конце концов, они сюда приехали с определенной целью, не просто насладиться изысканным ланчем. Мередит с интересом смотрела на Фиону, сидевшую в кресле со слегка скучающим выражением. Значит, осталась и слушает то, что, судя по всему, уже слышала раньше. Что бы ни сказали Джереми с Элисон, ничто ее не удивляет, хоть Тоби уверял, будто никто не знает о старой печальной истории. Знают как минимум четверо из шести человек, собравшихся в гостиной. Многим ли еще известно? – с тревогой подумала Мередит.

– Вам известны подробности, Алан? Тоби рассказывал? – Джереми не терпелось подойти, по его мнению, к главному: что по этому поводу собирается сделать полиция.

– Э-э-э... нет, пожалуй, – протянул Маркби, не желая, чтобы его подгоняли. – Об угрожающем письме известно. Я успел перемолвиться лишь парой слов по телефону с инспектором Винтером. Насколько понял, исследование переданного вами письма ничего полезного не принесло. Автор грамотный, им движет сильная злоба.

Элисон сморщилась и уставилась на руки, сложенные на коленях.

Фиона хрипловато спросила:

– Ничего нельзя сказать по шрифту и прочему?

Алан ей улыбнулся:

– С тех пор, как пишущие машинки ушли в прошлое, ничего, к сожалению. Понимаю, о чем вы говорите. Шрифт старых машинок стирался со временем, возникали характерные особенности. Конечно, по письмам с наклеенными вырезками из газет можно установить издание. Но мы живем в компьютерном веке, наш автор имеет доступ к компьютеру с принтером. Бумага стандартная, продается в каждом канцелярском магазине. Самоклеящийся конверт из такого же магазина. Марка тоже самоклеящаяся, лизать ее не надо, в отличие от старых марок. У детективов много претензий к почтовым конторам. Никакого материала для анализа ДНК, никаких отпечатков, потожировых следов и прочего.

– На окраине Бамфорда есть один канцелярский магазин, – подсказал Дженнер.

– Верно. Нынче повсюду есть. Все это можно купить в любом месте по всей стране. Даже если конкретный сорт поставляется в конкретную торговую сеть, подобные магазины продают тысячи пачек в неделю, часто в больших коробках по две с половиной тысячи листов. У меня дома такая стоит.

– Но автор очень осторожен, правда? – задумчиво проговорила Мередит. – Не оставил никаких следов... Все обдумал заранее. Купил самоклеящиеся конверты и марки. Обыкновенную писчую бумагу, которая закупается оптом. Методично, не правда ли? Все спланировано.

Наблюдавшая за ней Элисон содрогнулась при последних словах.

– Да, он осторожен, – кивнул Алан. – Не собирается нам помогать.

– Значит, по-вашему, это мужчина? – уточнил Дженнер, насупив косматые брови.

– Я бы не сказал. Мы говорим «он» просто для удобства.

Фиона, накручивая на палец длинную светлую прядь, неожиданно спросила:

– Чего он хочет?

Истинная дочь своего отца, заключила Мередит. За проницательными глазами кроются проницательные мозги. Догадывается, что причина кампании против мачехи – не только злоба. Тоже подозревает шантаж?

– Не узнаем, пока сам не скажет, – ответил Маркби. – Возможно, единственная цель – испугать и расстроить вас. Возможно, он за молчание потребует денег. Возможно, еще обдумывает варианты.

– Не пойму, – совсем тихо проговорила Элисон, – за что меня кто-то так ненавидит. И откуда обо всем узнал.

– Ну, к несчастью, любой уголовный процесс подробно освещается, – мягко объяснил Алан. – Есть много способов ознакомиться с деталями.

– Но связать дело с Эли! – с силой подчеркнул Тоби. – Все это было чертовски давно. У нее тогда была другая фамилия!

Маркби развернулся в кресле, обратившись к Элисон Дженнер:

– К сожалению, я не успел ознакомиться с подробностями дела. Без этого...

Дженнер с женой переглянулись. Элисон выпрямилась и твердо сказала:

– Расскажу все, что желаете знать.

– Ты уверена, дорогая? – спросил Джереми, дотянувшись до ее руки.

– Абсолютно. Многолетнее умолчание, попытки отмахнуться, словно ничего не бывало, и привели к сложившейся ситуации, правда? Если б все знали, никто мне теперь не грозил бы.

– Если предпочитаете, можем с вами наедине побеседовать, – предложил Алан.

– Нет. – Элисон тряхнула головой. – Присутствующие здесь члены семьи в курсе. Когда Джереми узнал о письмах, мы все обсудили. Я сказала, что надо объяснить Фионе и Тоби, потому что, возможно, о процессе станет известно. Не хочется, чтобы они узнали обо всем из газет. Когда рассказали Тоби, он сразу решил попросить Мередит поговорить с вами, Алан. Знаю, это не по правилам. Должно быть, вы попали в щекотливое положение, нас в душе проклинали. Я вас не упрекну. Но мы в безнадежном отчаянии. Хватаемся за соломинку. Мередит должна знать подробности, раз уж Тоби ее попросил о содействии. Разумеется, вы должны знать. Меня обвинили в убийстве моей внучатой тетки Фреды Кемп.

Она помолчала, подавляя вздох.

– Даже не знаю, с чего начинать. Чтобы понять суть, нужна предыстория. Мои родители были на дипломатической службе, как Мередит. Жили в разных странах мира, меня отправили в школу домой. Здесь меня опекала тетушка Фреда. Одинокая женщина, владелица процветающего агентства по подбору для клиентов няnek и домашней прислуги. Во время... события, приведшего к суду, мне было двадцать три года. Родители вышли в отставку, поселились на Санта-Люции, чтобы прожить остаток жизни под солнцем. Тетя Фреда тоже давно отошла от дел, оставаясь моей единственной родственницей в Англии. Я ее навещала при каждой воз-

можности, что было нелегко – она жила в Корнуолле, довольно далеко от разбитой дороги, на скалах в устье реки Кэмел.

– Знаю, – кивнула Мередит. – Чудесное место.

– Да, – согласилась Элисон. – Мне там всегда нравилось. У тети Фреды давно был коттедж, куда она уезжала на отдых, руководя лондонской фирмой. Потом решила навсегда в нем поселиться. При доме был большой сад, который она особенно любила.

– Это я понимаю, – улыбнулся Алан.

Элисон не улыбнулась в ответ.

– Переезд в коттедж привел ее к гибели, если можно так выразиться.

Она сделала паузу, все ждали продолжения. За фасадным окном промелькнула тень.

Маркби с Мередит оглянулись, едва заметив высокую нескладную фигуру.

– Садовник Гарри Стеббингс, – кратко пояснил Дженнер.

В тишине шаги садовника тяжело хрустели по гравию.

– Один ухаживает за участком? – любопытствовал Маркби.

– Сын по выходным помогает. Бестолковый малый по имени Даррен. Родители надеются, что ему пойдет на пользу учеба в местном колледже. Я сильно сомневаюсь. По-моему, он обучается фотографии! – хмыкнул Джереми.

Фиона усмехнулась:

– Звезд хочет снимать, как он мне говорит. Стать папарацци, знаете.

– Увидит, что попал в мир, где глотку запросто перережут, – заметил Маркби.

– Да он вообще без понятия, – беспечно ответила Фиона. – Уверен, будто обойдется своей маленькой цифровой камерой. Никогда и не слышал про известных фотографов, не обладает ни художественным, ни драматургическим вкусом. Считает, если фигуры попали в центр кадра, то больше ничего и не нужно.

– Я бы сильно обрадовалась, если б поймала что-нибудь в центр кадра, – вставила Мередит. – На моих снимках объект неизменно оказывается в правом нижнем углу.

Алан послал ей быструю заговорщицкую улыбку и вернулся к Элисон, продолжившей рассказ.

– Надо было бы мне почаще навещать тетю Фреду. Здоровье ее слабело. В конце концов, это родная тетка моей матери. Ей было восемьдесят, когда... произошла трагедия. Может быть, лучше сказать, продленная трагедия, потому что с некоторых пор было горько следить, как она угасает. Живя в одиночестве после столь бурной жизни, тетя Фреда буквально катилась под горку. Безусловно, она совершила большую ошибку, уединившись после большого города в тихом безлюдном месте... по крайней мере, пустеющем по окончании отпускного сезона. Хорошо поехать туда отдохнуть, и только. Тетка не догадывалась, что при постоянном проживании дни похожи один на другой как две капли воды. Ничто не заставляет тебя пошевеливаться – ты ни с кем не встречаешься, не бываешь в музеях, на выставках, не участвуешь в кипучей жизни. Я постоянно звонила ей, чтобы просто поболтать. Понимала, как ей одиноко. Однако упрямства ей тоже хватало. Она ни за что не призналась бы, что допустила промашку. По-моему, ее тяготила мысль о переезде в лондонский дом, с которым она рассталась. Я ей предложила вернуться, вызвалась помочь, она и слушать не хотела. Днем общалась с местной жительницей миссис Тревис, которая ходила к ней делать уборку, готовить еду. Не слишком приятная компания. Довольно сварливая женщина. У меня возникло впечатление, что она вообще никого не любит. Особенно меня.

– По какой-то конкретной причине? – осведомился Маркби.

– В свое время я думала, что у нее просто такой характер. Муж ее бросил с маленьким сыном, угрюмым замкнутым мальчишкой лет десяти. Вечно ходил в резиновых сапогах, похоже, не снимал даже на ночь. Весь пошел в мать и был к ней необычайно привязан.

Повсюду таскался хвостом, когда не было занятий в школе, без конца рисовал что-то на клочках бумаги...

Мне не показывал. По-моему, мать его предупредила, что я не заслуживаю доверия. Не удивляюсь, что она не прониклась ко мне теплым чувством. Ей практически не приходилось встречаться с такими, как я. Я работала в Лондоне в сфере рекламы, получала хорошие деньги, была молодой, независимой, вполне уверенной в себе. Меня не бросил муж. У меня не было ребенка, о котором необходимо заботиться. Я сама выбрала себе занятие. Возможно, сейчас не скажешь, но тогда у меня все действительно было на месте. – Элисон издала сдавленный смешок.

Дженнер укоризненно нахмурился.

– Только не надо себя принижать!

– Ты понимаешь, что я имею в виду, – ответила она. – Все складывалось в мою пользу. В свободные выходные я приезжала из Лондона, подкатывала со столичным шиком в машине, а в дверях стояла миссис Тревис в фартуке поверх свитера ручной вязки, источая неодобрение. Меня это, скорее, забавляло. Напрасно. Должна признать, миссис Тревис ревностно и старательно заботилась о тете Фреде. По-моему, на свой лад оберегала работодательницу.

– От вас? – уточнил Маркби.

– Да, даже от меня. Она обо всех плохо думала. Сама душевной щедростью не обладала и в людях, кроме тети Фреды, не находила ничего хорошего. Возможно, считала теткину доброту слабостью, из-за чего ее очень легко провести хитрой шустрой девчонке из Лондона. При всем своем желании она не могла дверь передо мной захлопнуть, но постоянно хмуро косилась, давая понять, что «присматривает».

Однажды в прекрасное августовское воскресенье я собралась назад в Лондон. Надо было выехать утром. Миссис Тревис не работала по воскресеньям, так что ее рядом не было. Я слегка беспокоилась: тетя Фреда быстро слабела с момента нашей прошлой встречи.

Совсем на себя стала не похожа – волосы не расчесаны, время от времени бестолково бродила по дому, плоховато соображала, путалась, дважды меня называла именем моей матери, Лилиан. Однако я знала, что в понедельник с утра придет миссис Тревис, а мне надо выйти на работу вовремя и в бодром виде, поэтому необходимо ехать. Решила при первой возможности позвонить личному врачу тетки, рассказать о своих опасениях. В последний раз я видела тетю Фреду, стоявшую у ворот и махавшую мне на прощание... – Элисон прервалась, закусила губу. – Всегда буду такой ее видеть.

Наступило неловкое молчание. Старый пес, лежавший у ног Элисон, озабоченно взглянул на хозяйку.

– Глотни бренди, – приказал Джереми, встал и налил стаканчик. – До дна, дорогая! Еще кто-нибудь хочет? – взмахнул он бутылкой.

Все отказались, даже секунду колебавшийся Тоби.

Бренди, кажется, помогло. Элисон снова быстро заговорила:

– На завтра в семь часов утра ко мне явилась полиция. Я уже встала, готовясь к рабочему дню. Пришел один юный констебль, полный сочувствия. С сожалением сообщил, что принес плохое известие. Мисс Кемп обнаружена мертвой в саду. Видимо, несчастный случай, подробности пока неизвестны. Несмотря на ранний час, я позвонила теткинemu врачу в Корнуолле. Он ничего не слышал. Полиция не вызывала его для констатации смерти. Пообещал немедленно перезвонить, как только что-нибудь выяснит. И сдержал обещание. Сообщил по телефону во время ланча, что утром около девяти мою тетку нашла домработница. Видно, она упала в садовый пруд для разведения рыбы и захлебнулась. Пруд совсем маленький, если опустить туда руку, вода дойдет только до локтя. Но тетя Фреда упала лицом вниз, и этого оказалось достаточно.

Она там пролежала всю ночь. Вероятно, несчастный случай произошел во второй половине дня в воскресенье. Будет вскрытие, сказал доктор. Проведет его не он, а местный патологоанатом. Я слышала, что доктор взволнован, не только потому, что потерял пациентку при таких обстоятельствах, но и потому, что его отстранили от дела.

А я была не просто взволнована. Отпросилась с работы... собственно, взяла отпуск на неделю, поскольку была исполнительницей завещания и должна была повидаться с солиситором. Он жил в Лондоне. Я знала содержание. Тетка оставляла все мне и пятьсот фунтов миссис Тревис. Коттедж и прочее тоже мне. Ключи у меня уже были. Я отправилась туда, чтобы договориться с местным священником о похоронах и так далее. В четверг снова пришла полиция. При вскрытии обнаружилась рана на голове, а у пруда нет камней, о которые можно случайно удариться. Хуже того – воды в легких не обнаружено. Тетя Фреда была мертва, когда попала в воду. Миссис Тревис деловито распространяла злобные слухи. Сообщила полиции, что я веду в Лондоне роскошную жизнь. Постоянно приезжала к тетке, рассчитывая на наследство. Была здесь в те самые выходные. Вымогала деньги у богатой родственницы...

– Это правда? – спросил Маркби.

– Выходит, что правда. Я хорошо зарабатывала, но жить в Лондоне дорого. Я хотела взять в долг на покупку квартиры. Посоветовалась с тетей Фредой, та прямо заявила, что не позволит одалживаться «у чужих», по ее выражению, и сама открыла счет на мое имя. Всегда само собой разумелось, что я со временем расплачусь, но никаких расписок мы не писали. «Отдашь, когда сможешь, – сказала она. – Деньги все равно твои». Тетя имела в виду завещание. Так все и осталось.

– Родственное соглашение, – громко вставил муж Элисон. – Абсолютно нормально. Даешь деньги младшим. Им вечно что-нибудь нужно.

Фиона пригладила длинные волосы, потом переключила внимание на отполированные ногти. Воздух на секунду словно задрожал.

– Ну, короче говоря, – продолжала Элисон, – полиция решила, что произошло убийство. Следствие возглавил старший инспектор Барнс-Уэйкфилд. Никогда его не забуду! Весь такой узенький – голова, тело, руки. Прямые волосы смазаны каким-то маслом, зачесаны со лба. Будто его расплющили между двумя твердыми плоскостями, как засушенный цветок или сорняк в данном случае. Вскоре обнаружилось, что мышление у него тоже узкое. С первой встречи стало ясно, что он меня имеет в виду. С его точки зрения, я наиболее вероятная подозреваемая. Мне было выгодно убийство.

– Каждый детектив задается этим вопросом, – спокойно сказал Маркби. – *Cui bono*? Спрашивают не по-латыни, конечно, но для следователя это первый вопрос. Кому выгодно? Кто выигрывает от совершенного преступления?

– Конечно, – просто кивнула Элисон. – Я понимаю. Но ведь вы не ограничиваетесь одним этим вопросом, правда? А Барнс-Уэйкфилд решил, будто дело раскрыто. Я была в тот день у тетки. Знала, что в коттедж никто не заглянет до следующего утра, когда я уже буду в полной безопасности в Лондоне. Добавьте тот факт, что я взяла деньги в долг...

– Это только косвенные свидетельства, – возразила Мередит.

– Кто еще в кадр попадает? – угрюмо ответила Элисон. – Вдобавок я чужая, приезжая из Лондона. Тетка тоже жила в Лондоне, но давно была хозяйкой коттеджа, местные ее знали и уважали. Миссис Тревис изо всех сил старалась меня очернить, превращала каждую мелочь в нечто фантастическое, чего на самом деле не было. Она конечно же решила добиться, чтобы я понесла заслуженное наказание. Если хотите знать мое мнение, они с Барнс-Уэйкфилдом родственные души.

– И еще одно, – вновь перебил жену Дженнер. – Много коттеджей на юго-западе Англии сдается для отдыха. Приезжающие должны чувствовать себя в безопасности на уединенных участках. Полиция обязана быстро раскрыть преступление, по возможности продемонстриро-

вав, что происшествие чисто семейное, домашнее, если угодно. Никаких одиноких убийц и грабителей, ничего подобного.

– М-м-м... – промычал Маркби. – Тем не менее я удивляюсь, что следствие вышло в суд с подобными доказательствами. Впрочем, знаю, двадцать пять лет назад дела делались иначе.

– К счастью, – снова вступила в разговор Элисон, – я пользовалась известностью в Лондоне и располагала деньгами. Смогла нанять хорошего адвоката. Он до сих пор работает. Теперь его величают сэр Монтегю Линг. Тогда это был просто Монти Линг, имевший, однако, доступ во многие кабинеты.

– Монтегю Линг! – воскликнул Маркби. – Бьюсь об заклад, он развеял в прах все эти косвенные свидетельства, сдвинув шляпу на затылок!

– Правда. Но даже при этом я бы так легко не отделалась, если бы неожиданно не объявились свидетели. Молодые супруги проводили в то лето отпуск на велосипедах, потом читали о процессе в газетах, увидели в одном номере снимок коттеджа и вспомнили. В роковое воскресенье они ехали мимо около часа дня, уточнили маршрут у старушки в саду. Та подтвердила, что дорога выбрана правильно. Они ее четко запомнили, опознали по фотографии. А я ровно в час заправлялась бензином почти за сто миль оттуда. Сохранился чек с датой и временем. На заправке не было камеры наблюдения, они тогда еще не вошли в обиход. Но служащим показали мой снимок, какой-то молодой человек узнал, засвидетельствовал, что в то воскресенье я к ним заезжала. – Элисон чуть зарумянилась. – Сказал, что запомнил меня потому, что я «просто картинка», по его выражению. Вот и все. Я была оправдана, или, как, вероятно, рассказывала всем и каждому миссис Тревис, «выкрутилась».

– Не говори так! – вскинулся Дженнер. – Тебя оправдали законно и справедливо. Дело вообще нельзя было передавать в суд, как указал Маркби.

– Скажите, – обратился Алан к Элисон, – что, по-вашему, произошло с вашей теткой?

Элисон честно взглянула ему в глаза.

– Я долго ломала голову, и у меня возникла теория, хотя доказать ничего невозможно. День был чудесный, тетя Фреда обожала сад. Наверняка пробыла там до чая, время от времени заходила за чем-нибудь в дом. В саду ее увидели велосипедисты. У пруда никаких камней нет, а дальше расположена альпийская горка. Думаю, она споткнулась там и упала. Ударилась головой, может быть, потеряла сознание. Потом очнулась, сумела подняться, но не сориентировалась. Хотела вернуться в коттедж, а пошла в другую сторону, к пруду. Умерла на ходу, упала лицом в воду...

– Местная полиция осматривала сад, искала, обо что она могла удариться? – спросил Маркби.

– Видимо, нет.

– Наверняка никто ничего не осматривал, – неожиданно заявила Фиона. – Сразу решили прищучить Элисон. – Она воинственно посмотрела на Маркби. – Снизить уровень преступности, такая задача? Закрывать дело...

– Милая... – пробормотал смущенно отец.

Его шокирует грубость дочери по отношению к гостю, решила Мередит. Сам уже намекал на нечто подобное, хоть и не так прямо.

Маркби встретил вызывающий взгляд Фионы с улыбкой.

– Не могу судить. Я не знаком с деталями проведенного следствия.

Фиона вспыхнула и отпарировала:

– Я тоже. Вы ведь это имели в виду? Так вот: незнакома. Просто кое-что слышу. Вы сами слышали, что говорит Элисон про того самого Барнс-Уэйкфилда. Он был против нее настроен, хотел пришить ей дело.

Дженнер ловко вмешался в беседу:

– Вот такая история, Маркби. Как вы говорите, автор писем легко мог ознакомиться с фактами.

– Да, тем более что это был один из первых успешных процессов сэра Монтею Линга. После любого очередного триумфа газеты ссылаются на прежние его победы.

– Все равно, – упрямо возразил Тоби, – ни у кого не было никаких оснований увидеть в обвиняемой Элисон Дженнер.

– Этим нам и надо заняться, верно? – сказал Алан. – Что ж, постараемся как можно скорее вычислить автора. Однако надеюсь, вы понимаете, что на это нужно время. Если получите очередное послание, немедленно доставьте мне вместе с конвертом. – Он улыбнулся Элисон. – А тем временем *nil desperandum*⁵, ладно?

– Спасибо, – кивнула она.

– Нельзя ли нам перед отъездом осмотреть сады? – обратился Маркби к хозяину. – Мередит хотелось бы увидеть озеро.

– Ну конечно! – Дженнер поднялся, за ним все остальные, атмосфера сразу изменилась. Явственно почувствовалось облегчение, словно закончено тяжкое неприятное дело и теперь можно подумать о более приятных вещах.

– Если пойдете к озеру, – сказала Фиона, – на меня не рассчитывайте. Терпеть не могу ту птицу. Совсем дурная. Я к лошадям пойду.

Мередит заметила, что Тоби колеблется. Явно хочет пойти с Фионой, хотя быстро передумал, понимая, что гости здесь по его настоянию и нельзя их оставить. Поэтому лишь проводил девушку скорбным задумчивым взглядом.

Осложнение, подумала Мередит.

– Помню эти сады, – сообщил Маркби Дженнеру, шагая с ним рядом по старательно расчищенной граблями дорожке, – с тех пор, как здесь жили Грейсы.

Дорожка круто шла вниз между кустами живой изгороди. Трудно ухаживать за садом на таком склоне. Птицы вспархивали при их приближении. Вокруг царил полный покой.

– Мы тут кое-что переделали, – ответил Дженнер. – Элисон знает толк в садоводстве. У нее масса всяких идей.

Прошли мимо грубого деревенского стола с расставленными вокруг стульями.

– Чудесно, – похвалила Мередит.

– Отличная работа, – одобрительно кивнул Дженнер. – Двое здешних парней открыли в технопарке «Уотерсмит» мелкое предприятие по изготовлению мебели. И назвали его «Деревенская простота», – фыркнул он. – Видимо, клиентам нравится.

– У нас при доме викария есть запущенный сад, – сказала Мередит. – Когда все расчистим, хорошо бы поставить там такие стулья.

Элисон услышала и подсказала:

– Мастеров зовут Тед и Стив. Цены вполне разумные, любой заказ выполнят.

Спустились в долину с журчащим ручейком, питающим озеро. Оно оказалось не только больше, чем Мередит ожидала, но и поражало всем своим видом. По прозаическому описанию Алана и взгляду издали казалось, что это чисто формальное утилитарное водохранилище. Однако, в отличие от вида сверху, очертания водоема неправильные, его окружают ивы, березы, высокие декоративные кустарники. У самой воды растут камыши, дальше стелются широкие плоские темно-зеленые листья кувшинок. Картину старательно создал викторианский садовник, придав ей естественный романтический вид. В центре озера даже есть маленький островок. Чтобы добраться до него или просто отдохнуть на воде, к деревянному при-

⁵ Никогда не отчаивайтесь (*лат.*).

чалу привязана весельная лодка, легонько покачивающаяся на поднятой ветром ряби, шурша в камышах. Настоящая идиллия.

Между озером и посетителями возникло неожиданное препятствие, не слишком крупное, но целеустремленное.

У воды стояла канадская казарка, расправив крылья и предупредительно шипя.

– Разрешите представить вам Спайки, – сказал Дженнер. – Сначала была почти ручная, а теперь превратилась в сплошную досаду.

– Но где остальная стая? – осведомилась Мередит.

– Спайки покалечилась, – объяснила Элисон. – Мы нашли ее с перебитым крылом. Непонятно, как это случилось. Другие улетели, она топталась на берегу с несчастным видом. Поэтому мы доставили ее в питомник для диких животных неподалеку. Там крыло залатали, привели в порядок, а когда выпустили, она сюда вернулась. Видно, ей здесь понравилось. Возможно, мы напрасно с ней нянчились. Теперь она считает озеро и подходы к нему своей собственной территорией. Неохотно признает меня и Джереми, а с чужими фокусы выкидывает. Мы ее увозили в разные места, выпускали, она каждый раз возвращается. Хватит, Спайки, уйди, кыш отсюда! – Элисон хлопнула в ладоши, казарка хлопнула в ответ крыльями, однако отошла на небольшое расстояние, наблюдая за компанией желчным взглядом.

– Сумасшедшая птица, – буркнул Тоби.

– Ах, бедняжка, – улыбнулась ему Элисон и обратилась к Мередит и Алану: – Тоби хотел прокатиться по озеру в лодке с Фионой. Спайки на них набросилась, оба бежали. Очень жалко. Собирались на остров.

– Чертова птица! Я бы взял ружье, сбил с нее перья. Если желаете, отловлю, увезу подальше и выпущу, – проговорил позади хриплый голос. – Всем сразу лучше станет.

Все вздрогнули и оглянулись. Шагов в траве никто не слышал, и Мередит с Маркби определенно не ожидали увидеть высокого угловатого мужчину, производившего впечатление неимоверной силы, не обладая могучей мускулистой фигурой. Длинные седеющие волосы взлохмачены, борода не подстрижена, нос торчит между глубоко посаженными глазами, сверкающими на загорелом лице. На нем старая мешковатая водонепроницаемая куртка и крепкие рабочие ботинки. Либо рукава куртки обрезаны, либо руки необычно длинные. Кажется, что костлявые запястья и огромные узловатые пальцы болтаются, как у марионетки. Мужчина поднял руку, словно вздернутую за ниточку невидимым кукловодом, и ткнул пальцем в Спайки, пребывавшую, по мнению Мередит, в хорошо понятном замешательстве. Птица красноречиво махнула крыльями и попятилась, издав с безопасного расстояния презрительный крик.

– Знаю, Гарри, нам ее не удалось переселить, – сказала Элисон. – Только это единственный выход. Завтра утром позвоню в Королевское общество защиты животных, может, что-нибудь посоветуют.

– Все равно, лучше мне разрешите ее пристрелить, – настаивал Гарри.

– Нет! Ни в коем случае! Мы что-нибудь придумаем.

Мужчина – воплощение Немезиды – хрюкнул, повернулся, зашаркал прочь, болтая руками.

– Это Стеббингс, – пояснил Дженнер. – С виду странноватый, но в целом неплохой малый.

Гости ничего не ответили и направились обратно к дому, оставив Спайки праздновать победу. Алан, Тоби и Джереми пошли вперед, а Элисон замедлила шаг, и они с Мередит отстали.

– Кое о чем при Джереми не могу говорить, – тихо и торопливо сказала Элисон, – но страшно беспокоюсь, как все это на нем отразится. Знаю, благодаря долгой практике он вполне убедительно делает вид, будто держит ситуацию под контролем. А на самом деле страшно злится. Все ведь выйдет наружу, правда? Будет во всех газетах?

Подожли к столу со стульями, Элисон кивнула, и они уселись. Мужская компания уже скрылась из вида.

– Всегда трудно разьяснять семейные проблемы, – вздохнула Элисон, нервно разглаживая ладонями блузку. Склонила голову, светлые волосы завесили лицо. – Ужасно выслушивать обвинение в убийстве. Словами не опишешь.

– Могу себе представить, – сочувственно вздохнула Мередит.

Элисон резко вздернула голову.

– Нет. Не можете. Извините... грубить не хотела. Но вы просто не можете. Не бывали в таком положении и, надеюсь, никогда не окажетесь. Злейшему врагу не пожелаю. А судебный процесс – настоящий кошмар. После такого почти невозможно жить дальше. Грязь липнет. Газеты изображали меня бессердечной расчетливой охотницей за деньгами. Правда, тетка несколько раз ссужала мне деньги. Помогала без возражений, охотно. Обиделась бы, если б я отказалась. Барнс-Уэйкфилд не понял. Вновь и вновь расспрашивал о деньгах, которые мне много лет давала тетя Фреда, и о завещании. Знала ли я, что являюсь единственной наследницей? Да, сказала я, знала. И как к этому относилась? Что можно ответить?

– Правда, – согласилась Мередит. – Не знаю, что бы сама ответила на вашем месте.

– Но я держалась. Работу не потеряла. Все были очень добры и оказывали поддержку. Но я все же ловила пристальные взгляды исподтишка, когда любопытные думали, будто я не замечу. Взгляды полные сладострастного интереса. Их как бы возбуждало, что они работают рядом с обвиняемой в убийстве. Со временем в естественном процессе ротации досужие личности исчезали, а я оставалась. Думала, все забудется. Потом познакомилась с Джереми. Наша фирма вела рекламную кампанию по его заказу. Когда он сделал мне предложение, я рассказала ему о суде. К тому времени минуло пятнадцать лет, и поэтому я по глупости верила, что все, наконец, осталось позади. Думала, по крайней мере. Но Джереми должна была признаться. Чтобы все было честно. Он отреагировал безупречно. С тех пор и до того момента, когда он обнаружил письмо, мы не упоминали об этом ни разу за десять лет супружеской жизни. А теперь получается, что ни о чем другом не можем говорить.

Джереми жаждет скорей разобраться и вернуться к нормальной жизни. Но удастся ли когда-нибудь вернуться?..

– Да! – воскликнула Мередит. – Удастся. Сейчас не верится, но вы должны твердо помнить, что со временем все встанет на свои места.

Элисон смущенно улыбнулась:

– Спасибо. Теперь ясно, почему Тоби старался привлечь вас и Алана. Джереми поговаривал о найме частного детектива, но я не хочу. Что он сделает такого, на что не способна полиция?

– Пожалуй, ничего в данном случае, – кивнула Мередит. – Вы правильно отговорили его.

Элисон рассмеялась:

– Отговорить Джереми – все равно что обуздать норовистого коня. Мне просто хочется, чтобы все разьяснилось, прежде чем он начнет привлекать к делу кого попало. Такое напряжение ему не на пользу. Он с виду спокоен, а внутри кипит. Если это скоро не кончится, я боюсь за его сердце. – Она замешкалась. – Другая причина моего нежелания нанимать рекомендованного ему частного сыщика заключается в том, что, если тот найдет виновного и сообщит Джереми, он вполне может взять правосудие в свои руки.

Глава 4

– Ну, что скажешь? – спросил Алан, направляя машину между длинными шеренгами каштанов к главным воротам.

– По-моему, Элисон сильно испугана, а Джереми сильно злится. Она боится, что подметные письма направлены именно против нее, и опасается возможных действий мужа после установления личности автора. Он собирается нанять частного детектива.

– Вот как? – задумчиво пробормотал Алан. – Могу кое-что сказать ему по этому поводу. Конечно, его воля, но это нам не понравится. Эй, а это еще что такое?..

Кто-то ждал их в воротах. Фиона Дженнер шагнула вперед из пестрой тени последнего дерева и вытянула руку, останавливая машину. Налетевший ветерок разметал длинные светлые волосы. Мередит слегка опешила, будто перед ними предстало нечто необычное, если не сверхъестественное. Маркби остановился.

Девушка подошла к окну, наклонилась, по обыкновению прямо сказала:

– Хочу с вами поговорить.

В ответ Маркби только протянул назад руку, снял блокировку. Фиона изящно скользнула на заднее сиденье и плотно захлопнула дверцу. Алан и Мередит повернулись к ней.

Фиона смотрела на них с привычным юным высокомерием. Откинувшись на спинку, запрокинув голову. Спутанные длинные пряди лежат на плечах. Щеки розовые то ли от ветра, то ли от эмоций. Хотя, по мнению Мередит, вовсе не от смущения, что перехватила гостей.

– Думаете, найдете его? – спросила она.

Вопрос адресован суперинтенденту.

– Думаю, найдем, – ответил он. – Уйдет какое-то время, но обычно мы ловим таких шутников.

Гладкий девичий лоб на миг сморщился, Фиона принялась накручивать прядь на указательный палец.

– Думаете, ему деньги нужны? – Палец замер.

– Возможно. Ваш отец богатый человек.

На ее лице отразилось презрение, смешанное с каким-то тихим удовлетворением.

– Тогда он ошибся. Папа не заплатит. Он совсем не из тех. Мой отец – ярко выраженный председатель совета директоров. Если вам от него чего-нибудь надо, подайте письменное прошение в трех экземплярах, завизированное в канцелярии. Он сейчас просто в бешенстве.

– По-моему, вы тоже.

– Мне глубоко плевать, – фыркнула девушка. – Только знаете, из-за этого чертовски трудно жить дома.

– Конечно, дело весьма неприятное... – начал Алан.

– Вы не поняли, – перебила она, тряхнув головой. – Отца не знаете. Его бесит то, что он не может справиться с этой «внутренней» проблемой, по его выражению. Вынужден обратиться в полицию, к чужим людям. Когда Тоби сказал, что лично знаком с вами, папа сразу воспрянул, ухватился обеими руками. Вы полицейский, но не обычный. Понимаете, Тоби как бы проголосовал за вас. Вы как бы вошли в компанию. «Наш человек», – сказал бы папа. Любит, чтобы в каждой его компании дело шло гладко. Могу поспорить: работать под его руководством – адская мука. Он хочет, чтобы и в семье было гладко. Чтобы никаких проблем, никаких, черт возьми, препирательств. Просто живи себе и живи. Такова его позиция.

В тоне слышится горечь. Были скандалы в прошлом, предположила Мередит. Из-за чего? Может быть, из-за школы, куда ее отправили? Распространенный повод для раздоров. Или из-за друзей, с которыми она общалась? Из-за избранного рода занятий, который отцу не по вкусу?

– Я не сотрудник компании, – спокойно сказал Маркби. – Я такой же сотрудник полиции, как инспектор Винтер в Бамфорде. Пусть старше по чину, но точно такой же. Ваш отец с Тоби Смайтом должны это усвоить.

Желая слегка разрядить напряжение, Мередит проговорила:

– Ваш отец сильно обеспокоен и поэтому, видимо, нервничает. Люди часто срываются, сталкиваясь с неприятностями.

Фиона снова презрительно фыркнула:

– Хотите сказать, он за Элисон беспокоится? Она переживет. Папа предпочитает видеть в ней слабую девочку, которая нуждается в защите, но уверяю вас, Элисон крепче старых сапог!

Девушка выскочила из машины, хлопнула дверцей, махнула на прощание и направилась к дому.

– Так, – сказал Алан, заблокировав дверцу и двинувшись дальше. – Ну, и что это было?

– Ей не нравится Элисон, – с готовностью ответила Мередит. – Прямо не говорит, но вполне очевидно. Хорошо понимает, что ни отец, ни Тоби не должны догадаться. Только мне кажется, дело с подметными письмами вытащит из чулана другие семейные тайны.

– А как тебе сама девочка?

Мередит подумала, прежде чем ответить:

– Очень привлекательная, но строптивая. Может быть, просто слепок с папаши. Если сказать об этом, ей не понравится, но, по-моему, так. Письма взбудоражили семейную жизнь. – Мередит нахмурилась. – Надеюсь, Тоби не влюбился по-настоящему.

– Почему? – спросил Алан довольно резко. – Он вполне способен справиться со своими чувствами. – И жалобно добавил, маневрируя между ухабами: – Не знаю, входит ли этот участок дороги в частное владение. Если да, Дженнер мог бы раскошелиться на покрытие.

– Возможно, – заметила Мередит, – хочет обескуражить неожиданных гостей и случайных проезжающих.

Алан на нее покосился:

– Проницательное замечание.

– Спасибо. У меня пока все на месте, как у Элисон, – отпаривала она. – Что касается Тоби, пускай в кого угодно влюбляется, только Фиона его прожует и выплюнет. Вдобавок они кузены в каком-то колене.

– Очень дальние.

– Она слишком молода, а ему под сорок.

– На мой взгляд, не так много. Тебе под сорок, ты старухой себя не считаешь, конечно. Мне сорок пять, я намерен считать себя молодым до конца. Как все прочие, – фыркнул Алан. – Внешне меняешься, а внутри ничуть, правда?

– Не желаю блуждать по метафизическим лабиринтам. Говоря о разнице в возрасте между Тоби и Фионой, я имею в виду, что сейчас это, может быть, незаметно, а позже проявится.

– Не имеет никакого значения. Посмотри на Джереми с Элисон. Он как минимум на двадцать лет старше жены. Многие семейные пары превосходно живут при значительной разнице в возрасте.

– Хорошо. Если хочешь, на самом деле меня беспокоит, что Тоби влюбился в Фиону, которая вполне может оказаться автором писем.

– Ах! Несмотря на то, что имеет? – Алан кивнул назад на поместье.

– Отчасти именно поэтому. Полагаю, она нас остановила для конфиденциальной беседы не только потому, что сыта по горло семейными неурядицами, но и потому, что ее встревожило твое участие. Не рассчитывала на это. Тоби преподнес сюрприз, объявив о знакомстве с местным высокопоставленным полицейским, который женится на его старой подруге, то бишь на мне. Отец ухватился обеими руками, по словам Фионы. Бьюсь об заклад, она не обрадовалась.

Алан пожал плечами:

– Возможно. Но если она пишет письма, разве дала бы понять нам, что Элисон ей не особенно нравится? Было бы довольно глупо.

– Или ей просто хватает ума держаться откровенно и честно, чтобы глаза тебе отвести.

– До чего ты подозрительная, – хмыкнул Алан. – Тебе надо быть полицейским.

Проехали мимо коттеджа, замеченного по пути в Овервейл. Мерedit присмотрелась поближе. Вокруг раскинулся ухоженный сад. Клумбы вскопаны перед весенней посадкой. Крыжовенные и смородиновые кусты покрылись новыми листочками. Женщина развешивает белье на веревке. Остановилась, пристально глядя на автомобиль с пассажирами. Тут из-за дальнего угла вывернула знакомая фигура. Мерedit опознала Стеббингса, прежде чем машина проехала дальше.

– Видно, здесь живет садовник, – заключила она. – Думаешь, коттедж тоже принадлежит Джереми?

– Вполне вероятно. Возможно, коттеджи для работников расставлены повсюду вокруг поместья. Если так, полагаю, они предоставляются на срок службы.

– Не слишком приятно, – пробормотала Мерedit, – пользоваться служебным жильем. Всякое бывает. Стеббингс может потерять работу, уйти на покой, наконец, умереть. Что тогда будет с миссис Стеббингс? Останется бездомной? Не особенно радостная перспектива.

– С другой стороны, – указал Маркби, – вряд ли садовник платит ренту. Кстати, довольно странный малый. Напоминает Старого Морехода⁶.

– Согласна: длинная седая борода, горящие глаза и прочее, – рассмеялась Мерedit.

Алан вернулся к прежней теме:

– На каком основании ты подозреваешь Фиону? Кроме общей неприязни.

– Я не говорю, что она мне неприятна! – воскликнула Мерedit. – Признаюсь, теплых чувств не питаю. С грубой прямоотой заявляю, что она обладает всеми признаками испорченной балованной девчонки. Может быть, это не только ее вина. Абсолютно ясно, что в прошлом бывали крупные скандалы. Хотелось бы разузнать о ее матери. Жива? Замужем за другим?

Ушла от Дженнера или он ее бросил? Или они расстались по взаимному согласию? Сколько лет было Фионе в то время и как она отнеслась к разводу? Не поэтому ли невзлюбила Элисон?..

– Еще деньги, – задумчиво проговорил Маркби.

– Помнишь, Джереми обмолвился, что молодым всегда что-нибудь нужно, поэтому вполне естественно ссужать их деньгами. Несмотря на язвительное замечание насчет прошения в трех экземплярах, Фиона, по-моему, получает наличные в руки, когда пожелает. Такой стильный прикид стоит немало. Интересно, она вообще где-нибудь работает? Хоть волонтером в какой-нибудь благотворительной организации?

– Не могу представить, как она варит суп на кухне или обстирывает больных и бездомных, – признался Алан. – Хочешь не хочешь, а мысль о будущем не выходит из головы. Например, сколько получают Фиона и Элисон по завещанию Джереми.

– Постой, посмотрим, что мы имеем. – Мерedit принялась загибать пальцы. – Допустим, Джереми дает Фионе деньги. Может быть, начал расспрашивать, на что они тратятся. Может быть, ей нужны деньги на какие-то тайные цели. Может, она сидит на наркотиках...

– Возможно, только нет оснований так думать. Известно, что на улицах полным-полно всякой дряни. Известно, что толкачи наркотиков охотятся за отпрысками богачей. Нанюхаться кокаина перед вечеринкой – нынче распространенный молодежный и даже не молодежный обычай. Но серьезная зависимость?.. Не похоже, – заключил Алан. – Никаких признаков.

⁶ *Старый Мореход* – герой поэмы С.Т. Колриджа, утомляющий окружающих долгими скучными рассказами.

– Ладно, – согласилась Мередит, хотя лишь на время. – Тогда признай, что Джереми буквально помешан на своей жене. Наверняка сполна обеспечил ее по завещанию. У него слабое сердце. Плюс волнение из-за подметных писем. Вполне может отдать концы, и шантажист надавит прямо на Элисон. – Она помолчала. – А может быть, ему в первую очередь нужны не деньги. Он о них пока не упоминает. Может быть, просто хочет дискредитировать Элисон, заставить ее пострадать. Из мести.

– За что?

– Возможно, за брак с Джереми?

– Значит, ты снова вернулась к Фионе.

– Ну ладно, вернулась. Считаю главной подозреваемой. Возможно, ею движет и месть, и шантаж. В данном случае цели полностью совпадают.

– Откуда ей были известны факты, изложенные в ходе процесса? Дженнеры утверждают, что ни Фионе, ни Тоби ничего не рассказывали, пока не открылась история с письмами.

Алан взял на себя роль адвоката дьявола. Известно, когда Мередит вцепится зубами в какое-либо предположение, то очень быстро набрасывает вокруг него своеобразную искусную картину. В этом смысле у дилетантов всегда преимущество перед профессионалами, связанными по рукам и ногам реальными свидетельствами. Однако у нее ясный и проницательный ум. Даже если ее теориим недостает фактической основы, они редко оказываются непоследовательными.

– Ты сам сказал, что дело публичное, – нетерпеливо напомнила Мередит. – И по-прежнему отвергаешь все мои идеи. Давай послушаем твои.

– Подозреваю ли я Фиону? Пока слишком рано говорить об этом. Я не готов ткнуть в кого-нибудь пальцем, но и никого не могу исключить. Включая, кстати, твоего друга Тоби.

– Что?... – Мередит ошеломленно уставилась на Алана. – Но ведь это смешно! Какой мотив у него может быть? Он попросил меня привлечь тебя к следствию...

– Разумеется. Это был бы не первый случай двойного блефа. Точно так же, как игра Фионы, которая остановила нас у ворот, как ты сама заметила минуту назад. Что касается мотива, скажем так: он влюблен в девушку, чего ты опасешься. Влюбленные мужчины способны на самые странные вещи.

В машине воцарилось зловещее молчание.

– Все равно смешно, – выдавила, наконец, Мередит сквозь зубы. – Я Тоби знаю. Зачем ему это надо, скажи на милость? Вдобавок его даже в стране не было. Элисон непременно запомнила бы, если б письма пришли из Пекина.

– Я не говорю, что он их *писал*. И все же может быть причастным. Они вместе с Фионой могли сострять некий план.

– Тоби любит Джереми и Элисон! Алан, это безумная мысль.

Подъезжая к окраинам Бамфорда, Маркби решил сменить тему и ткнул пальцем в окно:

– Технопарк «Уотерсмит».

Мередит взглянула на ряды невысоких кирпичных построек.

– Романтическое название для прозаичной промышленной зоны⁷.

– Раньше здесь была ферма, – пояснил Алан. – Потом землю продали под застройку. Помоему, под проект Дадли Ньюмена.

Он имел в виду местного застройщика и предпринимателя.

– Вполне в его стиле, – сухо бросила Мередит. – Ничто не доставляет ему такой радости, как загромождать поля и луга кирпичами.

– Он даже перенес сюда свои строительные склады. Может, заедем? – предложил Алан. – Отыщем ту самую «Деревенскую простоту», посмотрим садовую мебель.

⁷ Уотерсмит – здесь: слияние вод (англ.).

Он поставил машину на площадке со знаком «Только для посетителей», вышел и показал на склад по ту сторону от стоянки.

– Вон там торгуют канцелярскими принадлежностями. Я у них купил коробку бумаги. Представь, сколько розничных и оптовых магазинов снабжают бумагой один только Бамфорд...

«Деревенская простота» отыскалась в дальнем краю технопарка в невысоком строении с вывеской, где под названием фирмы помельче было указано: С. Пул и Э. Притчард. Небольшой продольный двор завален досками, бревнами, готовыми изделиями. Перспективным покупателям приходится лавировать с осторожностью. Кругом щепки, готовые впиться в разиню. У входа стоит помятый белый фургон с логотипом фирмы на боку.

Мередит с Аланом осмотрели разномастное скопище столов и стульев. Видимо, фирменным знаком служил «натуральный» вид дерева с кусками коры, сучками, мелкими изъянами.

– Сделано неплохо, – оценил Алан скамейку.

– У нас плохо не делают, – прозвучал сзади голос. – Мы мастера. Гордимся своей работой.

В поле зрения возник молодой мужчина тридцати с лишним лет с редкими волосами и очень светлыми бровями. За ухо заткнут огрызок карандаша.

– Вы хозяин? – осведомился Маркби.

– Вместе с партнером. Я Стив Пул. – Алан пожал протянутую руку в трудовых мозолях. – Хотите заглянуть в мастерскую? – спросил Пул, кивнув на строение.

– Хотим. Только что видели вашу мебель в садах Овервейл.

Светлые брови дрогнули.

– Гарнитур изготовлен по заказу мистера Дженнера. Любой заказ выполним. – Он повернулся, повел посетителей в мастерскую.

Внутри прохладно, стоит запах дерева, слышен стук молотка. Пол покрыт тонким слоем опилок, стружками, щепками и окурками, несмотря на табличку «Не курить». В углу мужчина возится с чем-то вроде кормушки для птиц.

– Это Тед, – сообщил Пул. – Владелец другой половины.

Тед оставил работу, поднял голову. Нам нем, как и на деловом партнере, пыльная рабочая одежда, они примерно ровесники, однако рядом составляют ошеломляющий, даже комичный контраст. Пул бледный, вялый, унылый – вылитый ослик Иа, по мнению Мередит. У Теда, напротив, озорная круглая физиономия, нос картошкой, кудрявые светлые волосы, деревенский загар и красные щеки. В отличие от угрюмого Пула, Тед – явно душа любой компании. Что и хорошо и плохо.

– Здравствуйте, – радостно кивнул он. – Чем можем помочь? – Широко улыбнулся, продемонстрировав щербину между передними зубами, что усилило его сходство с головами на карнизах средневековых храмов, которые гримасничают, взирая свысока на беспомощных прихожан.

Гости спросили разрешения посмотреть на его работу, и Тед отошел в сторону, уткнув руки в боки.

– Не столько кормушка, – восхищенно вздохнул Алан, – сколько жилье, о котором можно только мечтать!

Дно плоское, небольшие столбики по углам поддерживают крышу в китайском стиле с загнутыми вверх углами, покрытую тонкими деревянными планками. Вокруг бежит резной декоративный фриз.

– Дизайн практичный, – объяснил Тед. – На крышу можно подвешивать корм: кусочки мяса, орехи в сетке и прочее. Только это не домик. Нельзя там гнездиться. Не для того предназначено.

– Конечно, – слегка смутился Маркби. – Понимаю. Только я не шучу. Просто хочу сказать, что работа прекрасная. У меня в заднем саду есть кормушка, по сравнению с этой совсем примитивная.

Тед протянул руку, погладил конек крыши почти с нежностью.

– Я хорошо работаю. Чтобы можно было гордиться, понимаете? Если желаете, могу сделать скворечник. Только не ставьте его над кормушкой, приятель. Пустая трата денег и времени. Гнездящейся птице нужна тишина и покой, кроме ласточек и дроздов, которые, сидя на яйцах, ищут рядом еду.

– У вас есть каталог? – поинтересовалась Мередит.

Тед взглянул на Стива, который почесал лысеющую макушку и покачал головой:

– Еще не доставили из типографии. Если хотите, оставьте свой адрес, я вышлю.

– С удовольствием.

Стив вытащил из-за уха карандаш и спросил:

– Есть какая-нибудь бумажка? Если нет, не важно, у меня в конторе полно.

Видно, контора находится за перегородкой. Но у Мередит в сумке блокнот. Она вырвала чистую страничку, взяла у Стива карандаш, записала адрес и фамилию.

Стив внимательно прочитал, свернул листок, сунул в карман, вернул карандаш на место за ухом.

– Спасибо, что все показали, – поблагодарил Маркби хозяев.

– Заходите еще!

Тед и Стив, стоя рядом, смотрели, как они уезжают.

– Знаешь что, Тед? – сказал Стив, когда машина скрылась из вида. – Я этого типа знаю.

– Да? – удивился Тед, беря молоток и присвистывая сквозь щербину в зубах.

– Это коп, – неодобрительно скривился Стив. – Не люблю их. Всегда не к добру рядом вертятся.

Молоток ударил по гвоздю, Тед прервался и повернулся к партнеру:

– Почему? Тебе не о чем беспокоиться, правда? Что за коп? Откуда ты знаешь?

– Видел раньше, много лет назад. Он бамфордским участком заправлял. Был тогда старшим инспектором. Потом, слышно, пошел на повышение, уехал, перебрался в большую контору под Чертоном. Должно быть, теперь важная шишка, – фыркнул Стив. – Хитрые эти копы. Никогда не выдадут, за кем охотятся, когда их встречаешь вне службы. Знают, что люди их не привечают. Позволил своей женщине написать имя и адрес, а сам не дал. Митчелл ее фамилия. – Стив похлопал по карману с запиской. – А он Маркби. Как думаешь, что делал в поместье Овервейл?

Тед передернул плечами, безошибочно ударил по шляпке гвоздя. Выбрал другой, спокойно приладил и снова занес молоток.

– По-моему, – продолжал Стив с нарастающим недовольством, – старик Дженнер вряд ли будет иметь дело со всякой мелочью. Если у него проблема, кликнет самого главного, тот побежит как миленький!

Бух! Молоток промахнулся, врезавшись в дерево. Тед чертыхнулся.

– Перестань болтать по Дженнера и копов. Я сосредоточиться не могу. Чуть не отбил себе пальцы! – Он поднес ушибленный палец к губам.

– Ладно, ладно, – миролюбиво буркнул Стив. – Никакой закон не запрещает болтать и не любить копов. Ну, я пошел.

* * *

– Можно убирать со стола, миссис Уиттл, – сказала Элисон в субботу утром. – Вряд ли Фиона спустится к завтраку.

– Не пойму, – проворчал ее муж, – почему молодежь по утрам так долго валяется в постели. Казалось бы, должны пошевеливаться. Сил полно, Бог свидетель.

– Фиона как раз пошевеливается, – сказал Тоби, ухватив последний тост с подхваченного миссис Уиттл подноса. – Я ее уже видел, – неразборчиво прошамкал он.

Дженнер взглянул на часы.

– Видел? Господи помилуй. Всего половина десятого. Если встала, почему к нам не спустилась?

– Куда-то убежала, – сообщил Тоби.

– Убежала? – Дженнер с женой удивленно уставились на кузена. – Куда? – потребовал Дженнер ответа.

Тоби тряхнул головой.

– Не имею понятия. То есть, думаю, на утреннюю пробежку. Она была в спортивных штанах и красной ветровке, бежала трусцой от дома. Часов в восемь или чуть позже. Я из окна ванной видел. – Он проглотил кусок и опечалился. – Если б сказала, что побежит, я бы встал пораньше, вместе пробежались бы.

– Ты ее в восемь видел? Для пробежки полтора часа долговато. Вокруг поместья бегают, что ли? Впрочем, пожалуй, радоваться надо, что форму поддерживает, – пробормотал Джереми, встал, взял газету, и тут в холле послышался шум, а вскоре заглянула запыхавшаяся миссис Уиттл.

– Стеббингс явился, – доложила она. – Я велю ему снять сапоги, а он поднял скандал. Все равно не позволю топтать чистый пол грязными сапожищами! Говорит, срочно должен вас видеть, сэр. Дело безотлагательное.

Она еще не договорила, как возникла костлявая фигура, лохматая голова и заросшая физиономия Стеббингса. Он был без прорезиненной куртки, в одной рубашке под толстым вязаным пуловером с дырами на локтях, в намокших до колен штанах. Мокрые носки оставляли темные следы на паркете. Садовник проигнорировал всех, кроме хозяина.

– Пойдемте, сэр. Там... несчастье. – Он долю секунды помедлил перед последним словом, мельком взглянув на сидевших за столом.

Дженнер резко оттолкнул стул и хрипло спросил:

– Что? Где?

– Неподалеку. – Лицо замкнулось в упрямой маске. – Там сами увидите, сэр.

– Говорите, Гарри, что за глупости! – неожиданно приказала Элисон.

– Не хочу дурную весть доставлять, мэм, – уперся Стеббингс.

– Ну, хватит, выкладывайте! – рявкнул Дженнер.

Стеббингс пожал плечами:

– Юная леди, сэр... Мисс Фиона...

Тоби и Элисон бросились к нему с испуганными криками.

Задержавшаяся в холле миссис Уиттл услышала:

– В чем дело, Гарри Стеббингс?!

Но садовник не собирался ничего рассказывать, повернулся и пошел. Все последовали за ним. Нетерпеливо дожидались, пока он обуетеся у кухонной двери. Джереми Дженнер злился все сильнее.

– Говорите! Что случилось? Где моя дочь?!

Стеббингс, не ответив, вышел в дверь, остальные бросились следом, прямо через лужайку вниз к озеру. После трех солнечных весенних дней поднялся ветер, принес с собой отголоски прошедшей зимы. Небо затянуло тучами. Озеро лежало под ним тусклым серым диском, поглощая, а не отражая свет. Вблизи послышалось хлопанье крыльев. Это казарка поднялась с воды, полетела к загону для лошадей. Над загонем развернулась обратно к озеру, приземлилась на островок посередине.

– Спайки волнуется! – воскликнула Элисон. – Фиона пострадала, Гарри? Почему вы молчите?

– Ради бога, – завопил Джереми, – что с моей дочерью?! Вы оглохли, Стеббингс?!

Тоби заметил что-то впереди и рванул бегом мимо садовника к озеру. Стеббингс следил за ним, бормоча проклятия в бороду. Дженнер с женой тоже бросились вперед. Лабрадор Бет едва поспевал за хозяевами. Добежав до озера, супруги увидели Тоби, стоявшего на коленях рядом с прорезиненной курткой садовника. Валявшаяся на земле возле причала, она что-то прикрывала.

Дженнер остановился, схватил жену за локоть.

– Нет, Эли, стой здесь. Пожалуйста. Придержи собаку, – отрывисто приказывал он.

Перепуганная Элисон повиновалась, схватив пса за ошейник. Стеббингс замер на месте. Дженнер направился к куртке, держась прямо, как штык, всем своим видом показывая, что понимает, какая перед ним тяжелая задача, но он намерен решить ее правильно.

Тоби приподнял куртку. Все увидели длинные светлые волосы, рассыпавшиеся по земле, и мокрую красную ветровку. Тоби взглянул на подходившего Дженнера. Лицо его было пепельным.

– Фи... Фиона... – запнулся он. – Она...

– В воде плавала, сэр, – врезался хриплый голос Стеббингса. – Я зашел по колено, вытащил, курткой накрыл, чтобы проклятая птица не заклевала. Позвонил по мобильнику сыну, велел мешок принести, поймать чертову тварь. Уже должен бы подойти, – недовольно добавил садовник, вглядываясь вдаль.

– Сыну позвонил?! – Дженнер упал рядом с дочерью на колени, совсем сдернул куртку. Фиона лежала на животе. Голова повернута в сторону, открытые глаза слепо смотрят на пучки травы. – А скорую не вызвал?.. – бешено добавил он, а потом безнадежно спросил: – Тоби, умеешь оказывать первую помощь? Искусственное дыхание...

– Слишком поздно, сэр, – ровным тоном объявил Стеббингс. – Она умерла. Лицом в воде лежала. – Он неожиданно протянул руку, сочувственно коснулся плеча хозяина. – Я старался привести ее в сознание, сэр, воду выкачать. И ничего не вышло. Поэтому пошел в дом вам сказать.

– И не сказали, правда? – окрылся Тоби. – Мямлили насчет несчастного случая. Мы думали, она что-нибудь повредила, ногу подвернула... Такого не ждали!

– Пап! – Никто не слышал, как к ним подошел юноша, нервно остановившийся в нескольких шагах. – Я мешок принес. – И протянул мешок из дерюги.

– Хорошо, – коротко бросил его отец. – Долго добирался. Сядь в лодку, греби к острову и попробуй поймать эту птицу.

Даррен попятился к причалу, не сводя испуганного взгляда с тела Фионы.

– С ней все в порядке? – вымолвил он.

Дженнер взглянул на него с перекошенным в отчаянии лицом:

– В порядке? Нет, черт возьми, не в порядке! Она мертва!

Даррен влез в лодку, с ужасом глядя на Дженнера. Отец отвязал канат, и паренек погреб к острову, где Спайки патрулировала берег.

– Как это могло случиться? – ошеломленно спрашивал Тоби. – Из лодки выпала или с причала упала? Она плавать умеет...

Стеббингс прокашлялся, неуклюже взмахнул длинными руками, как крыльями.

– Есть еще кое-что, сэр.

– Что? – Голос Джереми сорвался, когда он взглянул на садовника. – Что еще?

– Это я голову повернул вот так набок. Если повернуть в другую сторону, там что-то вроде раны.

Тоби вместе с кузеном Джереми в ужасе уставились на тело. Дженнер протянул руку и сразу отдернул. Тогда Тоби тихонько сказал:

– Я сам. – Обхватил голову Фионы ладонями, повернул лицом вверх.

Волосы упали, обнажив порванную кожу и легкую вмятину на левом виске.

– Головой ударилась, – прокомментировал Стеббингс. – Что-то вроде того.

Они совсем забыли об Элисон, которая сидела и слушала, а при последних словах садовника пронзительно вскрикнула. Все оглянулись, видя, что она закрыла лицо руками и раскачивается всем телом. Пес толкал ее носом, добиваясь внимания, но Элисон словно погрузилась в забытие.

Дженнер бросился к ней:

– Успокойся, дорогая. Может, лучше домой вернешься... – Она как бы не слышала. Он легонько отвел от лица ее руки, тревожно окликнул: – Элисон!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.